

МИНИСТЕРСТВО ПРОСВЕЩЕНИЯ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования

КРАСНОЯРСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ
им. В.П.АСТАФЬЕВА
(КГПУ им. В.П. Астафьева)
Факультет филологический
Выпускающая кафедра общего языкознания

Прокофьева Елена Александровна

НАУЧНАЯ КВАЛИФИКАЦИОННАЯ РАБОТА

Тема: Специфика функционирования терминов российского уголовного
права в СМИ (разработка внеклассного мероприятия для обучающихся 6
класса)

Направление подготовки 44.04.01. Педагогическое образование

Направленность (профиль) образовательной программы «Теоретическое
и прикладное языкознание в образовании»

ДОПУСКАЮ К ЗАЩИТЕ

Зав. кафедрой кандидат филологических наук

Тимченко А.Г.

Руководитель доктор филологических наук, профессор

Васильев А.Д.

Дата защиты 23.12.2021

Обучающийся Прокофьева Е.А.

Оценка _____

Красноярск

2021

Оглавление

Введение.....	2
Глава 1. Язык и речь.....	5
1.1. Из истории изучения взаимосвязи языка и речи.....	5
1.2. Особенности употребления терминов в юридических документах..	14
1.3. Лингвистическая экспертиза проблемных текстов СМИ и ответственность авторов виктимных статей перед законом.....	27
Выводы	36
Глава 2. Анализ текстов СМИ как способ выявления ошибок в использовании юридической терминологии	37
2.1. Особенности некорректного употребления юридических терминов.....	37
2.2. Опыт разработки внеклассного мероприятия на тему: «Юридическая грамотность, или Кто такой преступник?».....	59
Выводы.....	65
Заключение.....	66
Список литературы.....	69
Приложения.....	79

Введение

В настоящее время особенно остро стоит вопрос корректности употребления терминов в СМИ, поскольку многие журналисты сознательно или в результате неопытности допускают ошибки в своих дискурсивных актах, что приводит к возникновению конфликта между сущностью произошедшего события и мнением конкретного человека по данному поводу.

Существующая тенденция приводит к тому, что ошибочное понимание и употребление некоторых юридических терминов в речи влечет за собой то, что в обыденном сознании искажаются факты объективной действительности. Речь, в свою очередь, оказывает влияние на язык.

Актуальность данной работы вызвана необходимостью разрешения ситуации ошибочного использования юридических терминов уголовного права, так как подобные неточности ведут не только к их ненормативному употреблению обывателями из-за того, что СМИ является средством популяризации информации, но и могут подвергнуть авторов публицистических статей различным видам ответственности, вплоть до уголовной.

Степень разработанности: разработкой проблемы занимались такие ученые, как Н.Д. Голев, Л.А. Шарикова, А.П. Чудинов, Н.Ю. Чайковская, В. Ю. Туранин, Н.Г. Михайловская. В особенности активно тема освещается в статьях электронного журнала «Юрислингвистика».

Краткий обзор источников позволил нам обозначить следующую **проблему**:

Некорректное употребление терминов российского уголовного права в СМИ.

Цель: анализ ошибок в употреблении юридических терминов в текстах СМИ.

Объект: тексты СМИ, содержащие юридические термины.

Предмет исследования: юридические термины.

Задачи:

- 1) изучить научные источники по проблеме,
- 2) выявить особенности ошибочного употребления юридических терминов,
- 3) систематизировать и проанализировать рекомендации по недопущению некорректного использования терминов права,
- 4) создать на их основе внеклассное мероприятие для школьников.

Научная новизна:

- 1) разработаны рекомендации по коррекции ошибок;
- 2) спроектировано и апробировано внеклассное мероприятие для школьников.

Теоретическая значимость работы заключается в анализе типичных терминологических неточностей.

Практическая значимость работы: материалы могут быть использованы при чтении лингвистических дисциплин; в разработке рекомендаций по предупреждению ошибок в употреблении юридических терминов; в разработке внеклассного мероприятия для школьников по формированию юридической грамотности.

Методология и **методы** исследования: общенаучные – анализ и синтез, сравнение, обобщение, наблюдение, беседа; педагогические – тестирование, проектирование; лингвистические – контекстуальный, семантический.

Тексты СМИ взяты для анализа по принципу наибольшей частотности употребления терминов права в их обыденном толковании.

Материалы, примененные для семантизации терминов - Толковый словарь русского языка С.И. Ожегова, Н.Ю. Шведовой, Новый толково-образовательный словарь русского языка Т.Ф. Ефремовой, классифицируемые как нормативные лингвистические алфавитные словари. В нашей работе мы опирались на определения Уголовного кодекса, Уголовно-процессуального кодекса, Кодекса об административных правонарушениях,

Конституции РФ. Термины, исследуемые нами, характеризуются как номинации с высокой степенью правового риска.

Разработанные методические рекомендации могут использоваться:

1. На уроках обществознания или права в общеобразовательных школах;
2. В специальных и педагогических высших учебных заведениях;
3. Для повышения информационной и юридической грамотности школьников на дополнительных занятиях и занятиях по выбору.

Первая задача нашла решение в 2.1. Вторая задача нашла решение в 2.2.

Выбор поля исследования обусловлен необходимостью решить проблему ошибочного употребления юридических терминов авторами статей и публичных выступлений, чтобы исключить обвинения их в клевете. Журналист должен осознавать ответственность за свои высказывания и их влияние на публику.

Степень достоверности и апробация: в диссертации проанализировано 14 текстов газетных статей, из которых выделено 10 терминов, наиболее проблемных в употреблении. Отдельные тезисы работы апробированы автором в его публикации в сборнике научно-практической конференции, посвященной Дню славянской письменности и культуры (2021).

Диссертация состоит из введения, двух глав, заключения, списка литературы и приложения. Первая глава раскрывает суть различия между языком и речью, специфики юридического языка. Она содержит обзор предыдущих исследований проблемы. Глава вторая представляет анализ употребления юридических терминов в текстах СМИ, результаты и выводы автора в изучении корректного использования юридических терминов и рекомендации по предупреждению ошибок. Материалы исследования были включены в методическую разработку внеклассного мероприятия для школьников по формированию юридической грамотности.

Глава 1. Язык и речь

1.1. Из истории изучения взаимосвязи языка и речи

Язык является главным средством общения людей, поэтому всегда существует в обществе. Язык жив и непрерывно изменяется, пока есть люди, которые пользуются им как основным средством общения. Весь процесс развития языка сводится к постепенному исчезновению одних явлений и появлению других, причем процесс зарождения новых лингвистических явлений происходит незаметно для говорящих и пишущих.

Многие ученые, такие как Вильгельм фон Гумбольдт, исследовали проблему взаимовлияния языка и речи. Гумбольдт различал язык, определяемый им как деятельность, форму языка — постоянные элементы и связи, реализуемые в речевой деятельности, и продукт этой деятельности (см. [Реформатский, 2012, с. 65]).

Возникнув в речи (устной или письменной), языковые явления постепенно находят себе все большее применение, начинают употребляться с возрастающей частотностью, пока не приобретают статус правила, пока люди не начинают рассматривать их как факт языка.

В речевом акте создается текст. В терминологическом употреблении это не только записанный, зафиксированный так или иначе текст, но и любое "речевое произведение" — высказывание, ряд высказываний или даже не произнесенная речь.

Понятие языка не совпадает с понятием речевой деятельности, потому что язык — это только определенная, хотя и важнейшая часть речевой деятельности. С одной стороны, язык является социальным продуктом речевой деятельности, с другой стороны — совокупностью необходимых условий, усвоенных обществом для осуществления этой способности у отдельных лиц. «Взятая в целом, речевая деятельность многоформенна и разносистемна»; она касается многих сфер жизни; «ее нельзя отнести ни к одной из категорий явлений человеческой жизни, так как она сама по себе не представляет

ничего единого». Язык, наоборот, представляет собой «замкнутое целое и даёт базу для классификации» [Реформатский, 2012, с. 45].

Язык возникает, развивается и существует как социальный феномен. Его главное назначение заключается в том, чтобы обслуживать нужды человеческого общества и обеспечивать общение между членами социальных коллективов, а также сохранение памяти этого коллектива.

Речевая деятельность характеризуется индивидуальной, социальной сторонами, она многообразна и разнородна, будучи одновременно физической, физиологической и психической, следовательно, является неким психофизиологическим и физическим явлением, выполняющим межсубъектную связь и поэтому имеющим индивидуальный и социальный аспект порождения. Такое представление в речевой деятельности может быть только процессным, что и нашло своё отражение в психолингвистике.

Теоретическая разработка проблемы соотношения языка и речи связана с именем Фердинанда де Соссюра, относившего различие языка и речи к самому предмету исследования — феномену языка, в котором, как считал он, соединены объекты принципиально разной природы: язык и речь.

Определяя объект лингвистики, Фердинанд де Соссюр впервые представляет триаду: речевая деятельность, язык, речь. При этом он указывает на определённые конституирующие моменты всех трёх феноменов, на их взаимосвязь и их отдельность.

Речь, которую Фердинанд де Соссюр вычленяет в речевую деятельность на основе речевого акта как «зародыша речевой деятельности», это нечто состоящее из «внешней части» (звуковые колебания, идущие из уст к ушам) и «внутренней части», «психической и непсихической части» с «физиологическими явлениями в органах речи, так и физические явления вне человека», «исполнение никогда не производится коллективом; оно всегда индивидуально» (цит. по [Норман, 2006, с. 66]).

Опираясь на понятие членораздельной речи, Ф. де Соссюр считает, что естественной для человека является не речевая деятельность как говорение, а способность создавать язык, то есть систему дифференцированных знаков, соответствующих дифференцированным понятиям, а потому надо с самого начала встать на почву языка и считать его основанием для всех прочих проявлений речевой деятельности (цит. по [Реформатский, 2012, 44]).

Представленные таким образом области всякий раз будут иметь свои чисто лингвистические задачи исследования:

а) речевая деятельность как социально представленная деятельность – лекция, агитация, проповедь, пропаганда, манипуляция индивидуальным и общественным сознанием и т.п.;

б) мыслекоммуникация – диалог, дискуссия, полилог, аргументация, доказательство, рассказывание, сообщение, описание, характеристика, рассуждение, рефлексия, метакоммуникация, понимание и другие речевые жанры;

в) язык как остановленная речь, снятая речь в результате метаязыковой коммуникации – знакообразование, формирование блока знаний, знания, связанные со знаками, смыслополагание, смыслообразование, интертекстуальность, «текстование», языковая картина мира и т.п. [Норман, 2006, 88].

Соглашаясь в целом с положениями Соссюра, А.А. Реформатский уточнил понятия язык, речевая деятельность (он называет ее «речевой акт») и речь. Основным понятием, по его мнению, надо считать язык как важнейшее средство человеческого общения. «Язык – это достояние коллектива и предмет истории. Язык объединяет в срезе данного времени все разнообразие говоров и диалектов, разнообразие классовой, сословной и профессиональной речи, разновидности устной и письменной формы речи» [Реформатский, 2012, с. 29].

Как нет языка отдельного человека, так и язык не может быть достоянием одного субъекта, так как язык объединяет индивидов и разные группы, которые «могут очень по-разному использовать общий язык в случае отбора

и понимания слов, грамматических конструкций и даже произношения» [Норман, 2006, с. 74]. Объяснением этому факту служит разнообразие языков.

Для непосредственного наблюдения лингвисту дан речевой акт. Лингвист должен зафиксировать данный в непосредственном наблюдении процесс речи, понять его как проявление языка, определить все единицы этой структуры в их системных отношениях, и тем самым получить вторичный и конечный объект лингвистики – язык в целом [Гируцкий, 2011, с. 65].

К. Маркс и Ф. Энгельс отмечали, что язык есть практическое, существующее и для других людей и лишь тем самым существующее также и для меня самого, действительное сознание (цит. по [Норман, 2006, с. 79]). В. И. Ленин, в свою очередь, утверждал, что «язык есть важнейшее средство человеческого общения» (цит. по [Гируцкий, 2011, с. 44]).

Английский ученый А. Х. Гардинер предложил "применять наименование "язык" ко всему тому, что является традиционным и органическим в словах и сочетаниях слов, а наименование "речь"- ко всему тому, что определяется конкретными условиями, "значением" и "намерением говорящего". Достоянием речи ученый считал прежде всего функции слов в высказывании и соответственно такие категории, как субъект, объект, настоящее историческое, предложение, понимаемое как отнесенное к действительности высказывание (цит. по [Норман, 2006, с. 75]).

В советском языкознании 30-х годов 20 века язык рассматривался как уникальный феномен, изучение которого, однако, не может быть отделено от конкретных форм речи. Система языка определялась как совокупность правил речевой деятельности (работы Л. В. Щербы, Е. Д. Поливанова, С. Б. Бернштейна и др.).

В отечественном языкознании идеи де Соссюра были развиты в работах Л. В. Щербы "О тройном аспекте языковых явлений и об эксперименте в язы-

кознании" (1931 г.) и "Очередные проблемы языковедения" (1945 г.). Ученый выделяет следующие характеристики языка:

1. Речевая деятельность;
2. Языковая система;
3. Языковой материал.

Л. В. Щерба вкладывал в эти понятия содержание, в некоторой степени отличающееся от известных понятий языка, речи и речевой деятельности, выдвинутых Ф. де Соссюром.

Л. В. Щерба вводит понятие языкового материала как "совокупности всего говоримого и понимаемого в определенной конкретной обстановке в ту или иную эпоху жизни данной общественной группы" (цит. по [Гируцкий, 2011, с. 68]). "Языковая система и языковой материал — это лишь разные аспекты единственно данной в опыте речевой деятельности, и так как не менее очевидно, что языковой материал вне процессов понимания будет мертвым, само же понимание вне как-то организованного языкового материала (т. е. языковой системы) невозможно" (цит. по [Норман, 2006, с. 72]).

Другой подход к проблеме соотношения языка и речи выдвинут в работе А. И. Смирницкого "Объективность существования языка", где автор сделал попытку диалектически осмыслить соотношение между языком и речью, ответить на вопрос: "Где и как существует язык?". Ученый полагал, что между языком и речью есть качественные различия, но между ними существует и диалектическая связь, суть которой в том, что "отдельные особенности речи могут превращаться в черты языка и отдельные произведения речи могут превращаться в единицы языка" (цит. по [Гируцкий, 2011, с. 128]).

Под речью современное языкознание понимает не только устную речь, но также и речь письменную. В понятие "речи" в широком смысле включается и "внутренняя речь" (А. И. Смирницкий), т. е. мышление с помощью языковых средств (слов и т. д.), осуществленное "про себя", без произнесения вслух (цит. по [Норман, 2006, с. 45]).

А. А. Смирницкий выделял три формы существования языка:

- 1) полное действительное существование (язык как средство общения);
- 2) неполное действительное существование (процесс общения односторонен);
- 3) неполное существование в форме действующего знания (внутренняя речь) (цит. по [Барихин, 2005, с. 79]).

Каждая форма имеет специфические особенности единиц. Данный подход позволяет поставить вопрос о соотношении этих форм в различных коммуникативных ситуациях и тем самым понять механизм функционирования языка.

Проблему соотношения языка и речи разрабатывал также Т. П. Ломтев в своей книге «Язык и речь», анализирувавший эти категории не как разные явления, подлежащие изучению разными науками, а как разные стороны одного явления, представляющие собой предмет и объект одной науки (см. [Норман, 2006, с. 68]). Взаимоотношение между языком и речью он рассматривает с философской точки зрения как отношение сущности (языка) к ее проявлению (речи), как отношение общего и единичного.

Н. Д. Арутюнова обобщала соотношение языка и речи в современных лингвистических теориях и отметила, что «характеристика речи обычно дается через противопоставление ее языку (коду), понимаемому как система объективно существующих социально закрепленных знаков, соотносящих понятийное содержание и типовое звучание, а также как система правил их употребления и сочетаемости» (цит. по [Гируцкий, 2011, с. 77]). Язык и речь образуют единый феномен человеческого языка и каждого конкретного языка, взятого в определенном его состоянии. Речь - это воплощение, реализация языка (кода), который обнаруживает себя в речи и только через нее выполняет свое коммуникативное назначение.

В то время как речевая деятельность в целом имеет характер разнородный, язык есть явление по своей природе однородное: это система знаков, в

которой единственно существенным является соединение смысла и акустического образа.

Н. Д. Арутюнова отмечает, что «язык есть стихийно возникающая в человеческом обществе и развивающаяся система членораздельных звуковых знаков, служащая для целей коммуникации и способная выразить всю совокупность знаний и представлений человека о мире» (цит. по [Норман, 2006, с. 45]).

Системный подход к изучению действительности является основополагающим не только в языкознании, но и в других науках. Он обусловлен тем, что окружающие нас объекты, являются системно-структурными образованиями. К таким объектам относится и язык. Все историческое языкознание – это попытки тем или иным образом систематизировать языковые единицы и явления. Этим же занято и современное языкознание.

Сторонники московской лингвистической школы (Фортунатов, Шахматов) придерживались несколько отличного от предыдущих ученых мнения на проблему разграничения языка и речи:

1. Язык – это строгая, конкретная система, где все связано между собой. Его можно рассматривать только в полном комплексе, учитывая и современное положение, и исторические факты.

2. Тесная связь языка и мышления. Язык обусловлен тем, что есть мышление, потому что без последнего не было бы смысла выстраивать устную или письменную речь.

3. При чувственно-образной форме мышления, одним из компонентов которой является представление, обобщение всех свойств в одном образе невозможно, так как образ еще сохраняет известные индивидуальные признаки.

4. В отличие от представления, понятие является более абстрактной и обобщенной формой отражения действительности, то есть оно содержит отвлечение от индивидуальных свойств и признаков предмета.

Анализируя всё вышесказанное, мы приходим к выводу, что язык – это система знаков, являющаяся основным средством общения. Язык является неким вполне определенным предметом в разносистемной совокупности фактов речевой деятельности. Его можно локализовать в определенном отрезке рассмотренного нами кругового движения, а именно там, где слуховой образ ассоциируется с понятием. Представляя из себя социальный элемент всей речевой деятельности, внешний по отношению к индивиду, который сам по себе не может ни создавать язык, ни его изменять, язык существует как своеобразный договор, заключенный членами коллектива. Вместе с тем, чтобы пользоваться языком, индивид должен ему обучиться. Язык до такой степени есть нечто обособленное, что человек, лишившийся дара речи, сохраняет язык, поскольку он понимает слышимые им языковые знаки.

Язык, обособленный от речи, составляет предмет, доступный обособленному изучению. Мы не говорим на мёртвых языках, но мы отлично можем овладеть их языковым организмом.

Таким образом, отдельный речевой акт в нормальных случаях общения представляет собой двусторонний процесс, охватывающий — при устном общении — не только говорение, но и протекающее параллельно и одновременно слуховое восприятие и понимание услышанного. При письменном общении акт речи охватывает соответственно писание и чтение (зрительное восприятие и понимание) написанного, причем участники общения могут быть отделены друг от друга во времени и пространстве. Речевой акт является проявлением речевой деятельности.

Язык не в меньшей мере, чем речь, представляет собой предмет конкретный по своей природе, и это весьма способствует его исследованию. Языковые знаки хотя и бессознательны по своей сущности, но вместе с тем они не абстрактны. Они являются ассоциациями, скрепленными коллективным согласием, совокупность которых составляет язык, суть реальности, генерируемой мозгом. Более того, знаки языка на письме могут фиксироваться

посредством условных начертаний, тогда как представляется невозможным во всех подробностях фиксировать речевые акты; произнесение самого короткого слова представляет собой бесчисленное множество мускульных движений, которые чрезвычайно трудно познать и изобразить. В языке же, напротив, не существует ничего, кроме слухового образа, который может быть передан с помощью определенного зрительного образа. В самом деле, если отвлечься от множества отдельных движений, необходимых для реализации речи, всякий акустический образ оказывается совокупностью ограниченного числа элементов или фонем, могущих в свою очередь быть изображенными на письме при помощи соответственного числа знаков.

Возможность фиксировать относящиеся к языку явления и приводит к тому, что верным его изображением могут служить словарь и грамматика.

Язык того или иного коллектива — это находящаяся в распоряжении этого коллектива система элементов — единиц разных ярусов (слов, значащих частей слов и т. д.) плюс система правил функционирования этих единиц, также общая для всех, пользующихся данным языком.

Речевая деятельность — это один из видов практической и теоретической деятельности людей. С одной стороны, это психофизическая деятельность. Она изучается как речемыслительный акт, как взаимоотношение говорящего и слушателя. С другой стороны, это социальная деятельность. Речевой акт, как и непосредственно порождающийся текст, представляет собой сложное взаимодействие между языком и речевой деятельностью говорящих и пишущих.

1.2 Особенности языка юридических документов

Юридическая терминологическая система имеет свои особенности, своеобразное языковое выражение, поскольку является письменным носителем юридической информации. Юридические тексты отличаются по определенной организации, принципам и правилам выполнения от текстов СМИ.

В современной лингвистике понятие дискурса является одним из самых неопределенных. Существуют различные взгляды на то, что же такое дискурс.

Наиболее отчетливо выделяются три основных направления употребления термина «дискурс» [Голев, 1999, с. 59]:

1) отождествление понятий дискурс и речь, где дискурс воспринимается как речь, вписанная в коммуникативную ситуацию. Концепция распространена среди многих ученых Европы, таких как З. Харрис, Э. Бюиссанс, Э. Бенвенист;

2) дискурс рассматривается как способ говорения, причем основной интерес составляют его разновидности, имеющие определенный набор параметров (языковые черты, стилистика, тематика и пр.). Направление получило свое развитие в трудах различных французских структуралистов и постструктуралистов, таких как М. Фуко, Ж. Дерида, А. Греймас, Ю. Кристева и др.;

3) дискурс понимается как особый идеальный вид коммуникации, отстраненный от социальной действительности и имеющий целью критическое обсуждение взглядов и действий участников коммуникации (Ю. Хабермас, П. Паршин, А. Кибрик) (цит. по [Акимова, 2006, с. 36]).

В современной лингвистике понятие «дискурс» сближается с понятием текста, но зачастую этот термин употребляется не только как родовое понятие, но и как обозначение конкретного вида речевой деятельности. В нашей работе мы рассматриваем юридический дискурс, делая акцент на его основных элементах - юридических терминах.

Профессиональный дискурс на сегодняшний день является одним из наиболее интересных и обсуждаемых видов дискурса в целом. Интерес к нему обусловлен тем, что коммуникативный процесс происходит в определенной коммуникативной сфере и осуществляется носителями определенных профессиональных знаний.

Вероятны следующие классификации профессионального дискурса:

- 1) по способу представления дискурса,
- 2) по статусу коммуникантов,
- 3) по типу поведения коммуникантов,
- 4) по виду окружающей ситуации [Кожина, 2004, с. 58].

Учет дополнительных характеристик позволяет выделить наиболее специфичные типы дискурса. К ним можно отнести устный дискурс, письменный дискурс; дискурс, ведомый только профессионалами; дискурс, ведомый совместно профессионалами и непрофессионалами; дискурс, ведомый только непрофессионалами; дискурс с проявлением разного иерархического положения коммуникантов; дискурс без учета культурно-национального компонента (отрицательный); дискурс с учетом культурно-национального компонента (положительный); дискурс с учетом эмоционального и культурного (вежливого) компонента (положительный); дискурс без учета эмоционального и культурного (вежливого) компонента (отрицательный); дискурс стандартной ситуации и нестандартной ситуации; дискурс с проявлением невербальных компонентов [Ефимичев, 2017, с. 84].

Для каждого типа дискурса характерен свой особый инвентарь (различные вариации терминов, прагмонимов, номенов, единиц профессионального просторечия и общенародных единиц), свои синтаксические типы высказываний (например, вопросительные предложения, императивы, эллипсы и другие) и свои коммуникативные цели.

В данной работе мы будем говорить о юридическом, или правовом, дискурсе. Правовой дискурс как любой вид дискурса устроен по определенным

правилам, характерным для данной сферы языка. Текст юридических документов и входящие в его состав термины – основная составляющая юридического или правового дискурса. Текст выполняет не только информационно-воздействующую функцию, но также раскрывает социально-прагматическую позицию автора текста. Участниками юридического дискурса являются, с одной стороны, автор и, с другой стороны, адресат. Первый создает информационное сообщение, выражая суть юриспруденции, второй воспринимает и интерпретирует сообщение. Источником юридических текстов являются профессионалы-юристы, которые создают эти тексты с учетом различных особенностей общественного устройства. Комплекс средств, характерный для юридического текста, обеспечивает полноценную передачу информации к адресату [Кожина, 2004, с. 77].

Юридический текст представляет собой особую юридическую терминологическую систему. «Когнитивно-деривационная и социальная сущность юридической лексики выражается в ее способности формировать понятийно-смысловые блоки, компоненты которых могут классифицироваться по определенным моделям» [Бушев, 2007, с. 96].

Восприятию информации способствуют в первую очередь юридические термины, но некоторая доля их известна не только специалистам, но и всякому рядовому носителю языка, так как область их применения выходит за рамки юридического текста. Юридические термины обладают всеми характеристиками терминов – однозначностью, отсутствием эмоциональной окраски, независимостью от контекста, например: *защита, приговор, преступление, подсудимый, справедливость, оправдан* и др. [Игнатенко, 2012, с. 55].

В юридической системе терминов существует особое распределение деривационных, структурно-понятийных и лексических единиц, функциональных параметров, которые обладают особыми признаками и закономерностями

ми, значимыми для различных сфер юридической деятельности, в которых они функционируют [Михайловская, 2012, с.151].

В текстах используются также клише, характерные для юридического языка: *представитель защиты, преступная группа, совершить правонарушение, собраны в судебном заседании, в материалах дела, опровергается доказательствами* и так далее, что определяется специфической направленностью тематики.

Объективность подачи информации обеспечивается преобладанием пассивными конструкциями и абсолютного настоящего времени глагола, например: «Основную задачу свою я вижу в том, чтобы акцентировать внимание суда на тех смягчающих обстоятельствах, которые имеются по делу потерпевшего». Или: «Захват власти или превышения властных полномочий преследуются федеральным законом» [Ефимичев, 2017, с.61].

Всеобщий характер информации передается преобладающей семантикой подлежащего, где наряду с существительными юридической тематики распространены существительные и местоимения с обобщающей семантикой (*каждый, все граждане, никто* и др.), например: «Каждый, законно находящийся на территории РФ, имеет право свободно передвигаться, выбирать место пребывания и жительства» [Конституция РФ, 2020, с. 15].

Предписывающий характер информации передается также с помощью глагольных структур со значением модальности возможности и модальности необходимости: *не могут, имеет право, должен осуществляться* и тому подобное.

Синтаксис юридического текста отличается от общего полнотой структур, разнообразием средств, оформляющих логические связи. Частотны логические структуры со значением причины и условия, при этом данные значения скрыты специальными языковыми средствами (в случае, по причине, если и т.п.).

Необходимость полно и однозначно выразить каждое положение, избегая двусмысленных толкований, приводит к обилию однородных придаточных и однородных членов предложения [Михайловская, 2012, с.78]

Компрессивность не должна быть свойственна юридическому тексту. Для него не характерны скобки, сокращения и цифровые обозначения. Числительные, как правило, передаются словами. [Новикова, 2014, с. 46].

Тематика текстов юридического дискурса охватывает широкий спектр концептов права, как-то: д о к а з а т е л ь с т в о, д о с т о и н с т в о, и с т и н а, и с т е ц, в и н а, з а к о н, к л е в е т а, н а р у ш е н и е, п р а в о, п р а в о с у д и е, р е п у т а ц и я, с в и д е т е л ь, м о р а л ь, с у д, ч е с т ь, п р и г о в о р и др.

Юридический дискурс требует внимательного серьезного исследования, так как его доминанта – текст юридических документов – является всеобщим двигателем в социально-правовом развитии общества [Осадчий, 2013, с. 57].

Проблема интерпретации терминов в области права и юриспруденции, с одной стороны, сохраняет особенности и качества, присущие образцам научного рассуждения, а с другой стороны, приобретает особую специфику этой профессиональной сферы человеческой деятельности. Поэтому методику интерпретации юридического дискурса возможно построить только с учетом данного обстоятельства. Анализ исследований в этой области свидетельствует о том, что довольно трудно провести границу между юридическим сознанием и юридическим текстом. Поэтому для правильного толкования текста права для полного его понимания необходимо рассмотреть проблему интерпретации юридического текста как главной составляющей юридического дискурса [Прохоров, 2001, с. 97].

Текст представляет собой, прежде всего, множественность смыслов, которая вызвана действием интерпретативной функции, многозначностью элементов, из которых состоит текст. Юридический текст не является в этом смысле исключением, ему присущи омонимия семантики и многозначность ,

что и порождает невозможность правильной и четкой интерпретации текста закона что, в свою очередь, вызывает трудность понимания юридического текста рядовым носителем языка [Давыдова, 2019, с. 64]. Например, обычному гражданину трудно понять такие юридические термины, как юридическое лицо, хозяйственное ведение, оперативное управление и только правильная и корректная интерпретация термина способствует его пониманию.

Термины существуют не просто в языке, а в системе определенной терминологии, и если в языке вне данной терминологии слово может быть многозначным, то, попадая в определенную отрасль терминологии, оно становится однозначным. В большинстве случаев термин не нуждается в контексте, как обычная лексема. Он является членом определенной терминологии и может также употребляться изолированно. Термин должен быть однозначным не вообще в языке, а в пределах данной терминологии. Один и тот же термин входит в разные терминологические системы литературного языка, что представляет собой межнаучную терминологическую омонимию [Давыдова, 2019, с. 46].

Специфика языка юриспруденции проявляется в том, что многозначность или полисемия рассматривается юридической наукой как средство законодательной техники, предназначенное для оптимального изложения нормативно-правового текста. Она определяется как результат обобщения сходства между предметами, результатом группировки, явлениями и так называемого исторического наращивания разных значений в пределах одного слова. Наиболее активно в действующих правовых нормах становятся многозначными такие термины, как *право, правовой акт, закон, юридическое лицо* и т.д., а также слова *орган, область, акт, ведомство*. Правильное понимание одного и того же термина в разных значениях обеспечивается посредством нормативных дефиниций и за счет контекста.

Между тем термины должны быть отграничены от экспрессивности, от полисемии и тем самым от обычных нетерминологических слов, которые по преимуществу экспрессивны и многозначны [Ахметова, 2016, с. 105].

Так, А. С. Пиголкин, определяя виды юридических терминов, классифицирует их на термины, определенные в законе, и термины, не имеющие юридических определений. Он отмечает, что такие виды деления имеют отношение к правовому характеру терминов и играют существенную роль для закона. Тем самым ученый отмечает обособленность терминов, закрепленных в законодательных текстах [Пиголкин, 2019, с. 89].

Обращая внимание на неоднозначность определений понятия «юридический термин», следует заметить, что А. Б. Барихин, автор и составитель большого юридического энциклопедического словаря, определяет юридический термин как элемент юридической техники, словесное обозначение государственно-правовых понятий, с помощью которых выражается и закрепляется содержание нормативно-правовых предписаний государства [Барихин, 2005, с. 74]. Представляется, что данное определение необходимо привести в соответствие с тенденциями развития современного общества. Оно неверно раскрывает сущность содержания понятия юридического термина, поскольку в связи с конструктивными изменениями конституционного строя в нашей стране нормативными правовыми актами являются не только нормативные правовые предписания государства, но и правовые акты иных субъектов юридической системы, в том числе органов местного самоуправления, которые не являются органами государственной власти.

Средства массовой информации в настоящее время служат источником сведений для широкого круга людей, являясь еще одним способом фиксации и регламентации речи. Обыватели привыкли воспринимать сведения из СМИ как достоверные и непреложные, так как в советское время существовал строгий контроль и все публикации проходили цензуру. Однако сейчас некоторые медиаисточники публикуют некорректную информацию, исполь-

зуют непроверенные данные, искажают юридические термины в попытке сделать новость сенсационной и обрести материальную выгоду.

Рассматривая проблему использования юридической терминологии в текстах СМИ, считаем необходимым исследовать сущность и этимологию самого понятия «термин».

Слово термин (из латинского *terminus*) буквально переводится как «граница», «предел», «пограничный знак». Нормативные толковые словари русского языка дают близкие по смыслу толкования слова. В словаре С.И. Ожегова содержится следующее определение: «Термин — слово или словосочетание – название определенного понятия какой-нибудь специальной области науки, техники, искусства» [Ожегов, 2015, с. 568]. Толковый словарь Т.Ф. Ефремовой характеризует термин как: «слово или словосочетание, обозначающее строго определенное понятие какой-либо области знания или деятельности» и «слово или выражение, принятое для обозначения чего-либо в какой-либо профессиональной среде» [Ефремова, 2000, с. 456].

Точного единого определения, отражающего реальную сущность данного понятия с учетом его этимологии, до настоящего времени не выработано. Содержащиеся в научной литературе и толковых словарях объяснения слова «термин», как нам представляется, не до конца выражают сущность данного понятия.

Термин — это слово или смысловое сочетание слов, «служащих для наименования понятия предмета или явления действительности с четко определенным специальным значением», с ясными пределами смысла, адекватно отражающие обозначаемое понятие [Туралин, 2012, с. 59].

Хижняк называет термины специальными словами, ограниченными особым назначением и установленными для однозначного и точного выражения понятия посредством формулирования отличительных критериев обозначаемого понятия от других. По сравнению с основной массой слов термин «более четок, определен и устойчив. Он представляет собой слово основного

значения, служащее для точного обозначения определенного понятия» [Хижняк, 2018, с. 53].

«Юридический способ мышления» порождает и использует специальные (юридические) понятия, посредством которых и выражаются определенные нормативные потребности. Таким образом, юридические понятия представляют собой разновидность социальных понятий, специфика которых определяется спецификой самого правового мышления как нормативного способа или метода освоения действительности, отражающего социальные потребности [Голев, 2018, с. 46].

Между тем определение сущности какого-либо явления происходит через его понятие. Рациональное отношение к действительности невозможно без определения понятий, которыми мы оперируем. То или иное понятие приобретает нормативные качества лишь тогда, когда оно фиксируется в законодательном акте с соответствующим термином.

Термин представляет понятие в соответствующей знаковой форме, является его носителем, внешним символом. Слово, которое выражает концепт, формула, которая отражает его внутреннюю структуру, и возможность сочетания с другими концептами в целях образования более полной системы — это инструменты, необходимые для связи юридических понятий, суждений и норм [Рыженкова, 2011, с. 79].

Термин входит в лексическую систему языка лишь через посредство конкретной терминологической системы, так называемой терминологии. Нормативная правовая терминология — это совокупность терминов, используемых для обозначения понятий всей системы правотворчества, образующая особый сектор лексики, наиболее доступный сознательному регулированию и упорядочению. Терминология, занимая в специальных языках центральное место, обладает определенной самостоятельностью, спецификой формирования и развития. Отсюда неизбежно вытекает и некоторая самостоятельность

лингвистического критерия оценки термина и, в том числе, нормативной ее оценки [Пиголкин, 2019, с. 68].

Таким образом, следует отметить, что юридический термин, имея особый статус в силу реализации нормативной функции, тем не менее, активно вступает во взаимоотношения с лексическими единицами за пределами правового пространства. Границы лексического правового поля становятся все более проницаемыми с развитием институтов гражданского общества и ростом правосознания. Интерес населения к вопросам правового значения свидетельствует о необходимости популяризировать юридическую терминологию. Однако следует отметить, что в условиях развития современного общества широкое распространение юридических терминов благодаря включенности их в пространство СМИ часто приводит не к росту правовой мотивации граждан, а, наоборот, провоцирует в сознании носителей языка смешение семантики терминов и общеупотребительных слов, трансформируя первичные смыслы в новый дискурс [Воробьева, 2010, с. 400-408].

Построение языковой картины мира или ее коррекция может происходить с помощью интенсивного использования фразеологизмов и слов, которые, формируя фон, одновременно являются или становятся ключевыми; употребление их с всё нарастающей частотностью заметно влияет на мировоззрение и мировосприятие носителей языка [Васильев, 2003, с. 15].

В пространстве современного вербального взаимодействия встречаются различные проявления речевой агрессии: навешивание ярлыков, «коммуникативный садизм» (Я. А. Волкова), «словесное издевательство» (К. Ф. Седов), «языковая демагогия», «языковое насилие» (Б. Я. Шарифуллин), «лингвистическая дискриминация», «речевое хулиганство» (Н. Д. Голев), «речевая манипуляция и речевое мошенничество» (Б. И. Осипов) и пр. (цит. по [Якоба, 2015, с. 50]).

Подобные речевые явления создают в пространстве вербального общения различные конфликтные ситуации, которые могут находить свое реше-

ние исключительно в рамках судебных разбирательств и становятся объектом изучения юридической лингвистики [Голев, 2012, с. 7]. В частности, конкретные носители языка могут быть привлечены в качестве фигурантов дел о защите чести, достоинства и деловой репутации и компенсации морального вреда (ст. 151, 152 ГК РФ), обвинению в клевете (ст. 129, 298 УК РФ), экстремистской деятельности, возбуждении религиозной, расовой, национальной и социальной ненависти и вражды (ст. 280, 282 УК РФ), рассматриваемых в рамках судебного разбирательства [Воробьева, 2010, с. 405].

Правовой статус приобретают негативно звучащие высказывания, адресованные конкретному лицу. При этом отношение текстовой информации к определенному пользователю устанавливается непосредственно за счет использования авторами соответствующих слов и фраз, реализуемых при помощи юридических терминов. Понятие «преступник» – одно из ключевых в уголовном праве РФ. В том случае, если журналист употребил данный термин неправомерно, пострадавший гражданин может инициировать возбуждение дела о защите чести и достоинства или клевете [Спросить юриста].

Выходя за границы своей системы, термин приобретает новые связи, что влияет на его содержание, а также он теряет и дискурсивную привязку, обеспечивающую ему нормативный статус. С потерей своего особого статуса юридический термин лишается и своего ключевого признака – «правовой предзаданности содержания» [Барихин, 2005, с. 76]. Этот факт может иметь последствия:

1. Потеря словом статуса термина при условии разрыва связи с терминосистемой (например, слова *каторга*, *кляуза*, *кабала* не имеют на данный момент актуального юридического значения, зато сохранились в общеупотребительном использовании в качестве эмоциональной окрашенных лексем).

2. Утрата словом статуса термина при сохранении этой связи, одновременное бытование в разных дискурсах с различным смысловым наполнением.

Одновременно с выходом терминов за пределы терминологической системы происходит образование правовых и наивных обывательских представлений о значении правовых терминов. Определение термина в этом случае выступает звеном в когнитивной цепочке, и имеет значение процесс перевода характеристик должного поведения из юридического дискурса (в значении — правовое) в обывательский дискурс (в значении — правильное). Правовое определение при этом можно рассматривать в качестве маркера, определяющего процесс интерпретации явлений окружающего объективного мира. А следовательно, оценка зависит не от его объективных характеристик, а от отношения субъекта к сфере изначального бытования термина. Так, многие юридические термины, будучи изначально нейтральными, переосмысляются носителями языка как оценочно маркированные в силу, например, идеологической или политической позиции. Например, слово *либерал* имеет в сознании носителей различных политических групп совершенно противоположную оценку: от одобрительно положительной до резко отрицательной [Барихин, 2005, с. 77]. Таким образом, первой тенденцией, о которой можно говорить в отношении трансформации юридического термина в связи со сменой дискурса, является прямая зависимость значения лексемы от правовой позиции субъекта, когда в качестве имеющих экспрессивно-оценочную окраску выступают, казалось бы, совершенно нейтральные в литературном языке единицы.

Второе направление, определяющее часть проблем с применением и интерпретацией юридической терминологии, связано с выбором из естественного языка мотивирующего слова при конструировании термина.

Третьей тенденцией является процесс переосмысления термина под влиянием актуализации отдельных реалий в сознании носителей языка различ-

ных возрастных групп. Так, по данным последних социологических опросов среди студентов вузов с 2014 года по настоящий момент, значительная часть опрошиваемых не видит разницы между паронимами *экстремист* и *экстремал*. В 2018-19 гг. процент респондентов, не различающих эти понятия, составил 50%, включая и студентов-юристов первых курсов.

Дискурс, в котором оказываются общеупотребительные и специальные юридические термины, во многом подчиняет их своим законам и преобразует в сознании носителей, трансформируя их вплоть до противоположного понимания. В силу непонятного для обычного человека смысла слова, значение термина выводится им по аналогии, что приводит к неправильной актуализации полисемии или смешению паронимов [Чайковская, 2016, с. 71]. Из этого следует, что использование юридических терминов за пределами правового поля должно быть подчинено логике их правового бытования, а не закономерностям функционирования во всеобщем употреблении.

Изучение юридического дискурса для интерпретации юридических терминов имеет большое значение в настоящее время, поскольку понятийный объем некоторых словесных единиц структурируется некорректным способом [Голев, 2003, с.84]. Часто преобладает не научное, а обыденное понимание и толкование терминов, привносится излишняя многозначность.

1.3. Лингвистическая экспертиза проблемных текстов СМИ и ответственность авторов виктимных статей перед законом.

В юридической системе существуют разные термины, определяющие правовой статус лица, в отношении которого возбуждено уголовное дело: *подозреваемый, обвиняемый и подсудимый*. Следует отметить, что такие слова, как *преступник, убийца, бандит* являются правовыми терминами и не могут безответственно использоваться для усиления воздействия на читателя или слушателя. Журналисты часто путают эти термины или грубо нарушают принцип презумпции невиновности, называя *убийцей* или *преступником* человека, *подозреваемого в преступлении, убийстве*. Одинаковое содержание юридических терминов в сознании обывателей может быть представлено в разных формах, что зависит от контекста, ситуации, типов сознания и уровней подготовки субъекта интерпретации [Воробьева, 2014, с. 21].

Согласно презумпции невиновности – основному принципу, гарантированному Конституцией РФ, каждый обвиняемый в совершении преступления считается невиновным, пока его виновность не будет доказана в предусмотренном федеральным законом порядке и установлена вступившим в законную силу приговором суда (ст. 49. п. 1 Конституция РФ). Соответственно, человек, конституционные права которого были нарушены, может обратиться в суд с иском об оскорблении или клевете.

Если человека оскорбили, он имеет право подать иск о защите неприкосновенности личности, согласно статьям 12, 150-152, 1099-1001 Гражданского Кодекса РФ. Оформляется подобное заявление в соответствии с правилами, изложенными в статье 131 Гражданского процессуального Кодекса РФ (цитата по [Турагин, 2012, с. 58]). Истец должен грамотно изложить причину подачи иска, а также подробно описать факт оскорбления, указав все детали.

К иску о нарушении требуется приложить доказательства, которые могут быть следующего вида:

- ФИО свидетелей, способных на заседании суда подтвердить факт оскорбления;

- видеоматериалы, на которых содержится запись нарушения;

- аудиозаписи, позволяющие идентифицировать голос нарушителя и факт оскорбления. В качестве таких аудиозаписей может использоваться телефонный разговор;

- текстовые материалы – распечатка сообщений из телефона, из социальной сети, с сайта или других источников [Анисимов, 2011, с. 187].

Определение оскорбления дано в статье 5.61 Кодекса об административных правонарушениях – унижение чести и достоинства человека, выраженное в неприличной форме. Отдельно оскорбление личности в современном законодательстве не освещается (цитата по [Безлепкин, 2002, с. 25]).

Статья за оскорбление личности предусмотрена в КоАП РФ под пунктом 5.61 с 2012 года. Уголовную ответственность оскорбивший человек может понести в том случае, если факт унижения чести и достоинства выявлен в отношении:

- представителя закона или власти;

- военнослужащего.

Важно отметить, что оскорбление данных личностей переквалифицируется в уголовную статью лишь в том случае, если факт нарушения имел место во время исполнения ими должностных обязанностей или унижение связано с их профессиональной деятельностью [УК РФ, 1996, с.95].

Согласно статье 5.61 Кодекса об Административных Правонарушениях, за действия или слова, унижающие честь и достоинство человека, нарушитель должен понести соответствующее наказание в виде штрафа. Сумма штрафа градируется в зависимости от статуса обидчика следующим образом:

- обычный гражданин наказывается штрафом в 1000-3000 рублей;

- человек, являющийся представителем власти, наказывается штрафом в 10 000 – 30 000 рублей;

- юридическое лицо наказывается штрафом в 50 000 – 100 000 рублей (цитата по [Козлов, 2012, с. 72]).

Под клеветой закон понимает распространение порочащих сведений, если они являются заведомо ложными. Клевета всегда передается третьим лицам, выступающим затем свидетелями в суде.

Клевета гораздо более серьезное нарушение, чем оскорбление личности. Под клеветой можно понимать распространение о человеке заведомо ложной информации, порочащей его честь и достоинство в глазах других людей. Авторы публикаций в СМИ и Интернете порой не задумываются, что их резкие, унижающие человеческое достоинство слова могут разлететься многомиллионными тиражами.

Таким образом в ситуации конфликта слово приобретает такое свойство, как напряженность. Напряженность слова способна расти по мере увеличения количества свидетелей словесного конфликта, как то тираж газеты, число коллег, подчиненных, сослуживцев, знающих о споре, количество жителей в городе. Особый накал слову способен придать скандал, предшествующий публикации и ставший достоянием общественности. Далее, напряженность слова возрастает, если ситуация унижения сопряжена с такими рисками как потеря доверия и авторитета в глазах окружающих (коллег по работе, начальства, избирателей).

Публичное унижение личности (в СМИ, книгах, сериалах, во время выступления на сцене и при других обстоятельствах) предполагает серьезные штрафы, которые варьируются в зависимости от ситуации. При этом, например, за публикацию оскорбительной статьи в журнале может быть наказан не только автор материала, но и редактор, который допустил нарушающую закон статью в печать [Авраамов, 2019, с. 81].

Наказание за клевету предусмотрено в статье 128.1 Уголовного Кодекса РФ, согласно которой штраф может составить до 5 000 000 рублей или обвиняемый будет наказан обязательными работами сроком до 480 часов. Вели-

чина наказания за клевету зависит от ее контекста и положения лица, совершившего преступление. Наиболее серьезное наказание предусмотрено за обвинение человека в преступлении [УК РФ, 1996, с.79].

В настоящее время количество гражданских исков к СМИ и журналистам о защите чести, достоинства и деловой репутации увеличивается в геометрической прогрессии [Козлов, 2012, с. 186]. Увеличивается также количество уголовных дел против СМИ, возбужденных по статьям «Клевета» и «Оскорбление» [УК РФ, 1996, с.68]

Прежде чем привлечь журналиста к ответственности за распространение порочащих сведений в отношении гражданина, суд должен обратиться за помощью в интерпретации спорного текста к экспертам-лингвистам. Этой и рядом других причин было обусловлено создание Гильдии лингвистов экспертов по документационным и информационным спорам (ГЛЭДИС). Это общественное объединение было зарегистрировано в 2001 году Министерством юстиции РФ и вскоре стало оказывать действенную помощь судьям, адвокатам, следователям, юрисконсультам, студентам и преподавателям вузов. С юридической точки зрения, Гильдия – «абсолютно независимое профессиональное сообщество, поскольку ее учредителями выступили не какие либо организации, а физические лица. В научную элиту Гильдии входят ученые, имеющие в своем деле огромный опыт» [Горбаневский, 2005, с. 5].

Анализ конфликтных ситуаций, с которыми приходилось сталкиваться при проведении лингвистического анализа спорных текстов по просьбе журналистов, показал, что начинающие авторы чаще всего в процессе работы над материалом не задумываются о том, что могут нарушить какие-либо законы. Между тем, предостережения зафиксированы, в том числе и в этических кодексах.

Нередки случаи, когда по результатам экспертизы суды выявляют необоснованность претензий и исков к работникам СМИ. Общеполитический контекст попыток расправиться с журналистом за конструктивную и спра-

ведливую критику приводит к обвинениям его через суд или прокуратуру в некорректном использовании тех или иных слов или словосочетаний, что случается довольно часто.

Следует подробнее остановиться на процедуре проведения лингвистической экспертизы. Лингвистическая экспертиза спорного текста по юридическому поводу – особый вид, «специализированный жанр» междисциплинарного филологического исследования. Одна из центральных задач лингвистической экспертизы состоит в интерпретации, истолковании текста (письменного и устного) с целью его понимания в полном соответствии с тем объективным, действительным смыслом, который заключен в данном тексте (то есть интеллектуальным и эмоционально-экспрессивным содержанием анализируемого текста).

Лингвистическая экспертиза спорного текста, проводимая по юридическому поводу с позиций герменевтики (то есть с позиций лингвистического, текстологического анализа, стилистического, в аспектах теории речевого акта), называется «лингвистическая судебная экспертиза», которая строго терминологически в юриспруденции является частью судебной или внесудебной экспертизы. Судебная лингвистическая экспертиза проводится на основании определения суда, внесудебная лингвистическая экспертиза – на основании письменного обращения адвоката, физического, юридического лица, общественного объединения или иного субъекта - инициатора исследования, требующего использования профессиональных знаний, к специалистам-филологам, в лингвистический научно-исследовательский институт или высшее филологическое учебное заведение, в специальные экспертные государственные или общественные организации.

Между тем цели, задачи междисциплинарного филологического исследования спорного текста в рамках судебной и внесудебной лингвистической экспертизы одни и те же: объективный научный анализ текста в соответствии с вопросами, поставленными в запросе о проведении лингвистической экс-

пертизы спорного текста, строго в рамках компетенции лингвистов-экспертов.

Под междисциплинарным подходом лингвистической судебной экспертизы к спорному тексту, в том числе к спорному тексту СМИ, понимается комплексный анализ предложенного для экспертизы текста с точки зрения собственно лингвистической культуры речи, стилистики, теории текста, поэтики, теории речевого акта, лингвопрагматики, социолингвистики [Горбаневский, 2005, с. 45]. Это означает, что в ходе лингвистической судебной экспертизы:

1. Анализируется состав языковых средств спорного текста (спорных текстов) – главным образом слов, словосочетаний, фразеологизмов, а также грамматических форм, их вариантов, морфологических и синтаксических категорий, устанавливается их место в структурной систематизации данного языка;

2. Определяется соответствие использования языковых средств в рассматриваемых текстах действующим литературным нормам;

3. Выясняется мера точности выбора и мотивированности употребления слова, грамматической формы, фразеологизма, синтаксической конструкции в рамках микроконтекста фразы, абзаца или макроконтекста всего текста при учете требований литературных норм, закрепленных в академической грамматике, толковом словаре и других авторитетных филологических источниках;

4. Рассматривается и обосновывается роль микро- или макроконтекста в авторском осмыслении отдельного слова, фразеологизма и словосочетания, а также в окказиональном употреблении слова, допустимом благодаря убедительной мотивировке такого его применения, оправдываемого выстроенным автором фразовым окружением, контекстом или описываемой в данном тексте сюжетной ситуацией, а также в силу конкретной речевой ситуации или актуальной для читателя ситуации. Соответственно при немоти-

вированном или слабо мотивированном применении слова в рассматриваемом тексте эксперты анализируют причины коммуникативной неудачи автора и ее последствий как для объективного истолкования такого употребления слова, так и для его восприятия потерпевшим;

5. Эксперты внимательно анализируют разнообразные тропы, стилистические приемы и фигуры, подчеркивающие нужные автору смыслы, эмоционально-экспрессивные акценты или намеренно камуфлирующие истинный смысл высказанного в данном тексте;

6. Максимально учитываются статусные и ролевые характеристики создателя анализируемого текста, а также, если это существенно для экспертного исследования рассматриваемого текста, такие же характеристики основного персонажа разоблачительного или критического публикуемого материала, социальные, психологические, прагматические установки автора данного текста [Горбаневский, 2005, с. 89].

Такой многоаспектный анализ текста в лингвистической судебной экспертизе обусловлен, с одной стороны, ее принадлежностью к герменевтике. Как и в традиционном герменевтическом исследовании, в лингвистической судебной экспертизе одной из главных задач является раскрытие и истолкование понятийно-логического содержания и эмоционально-экспрессивной стороны рассматриваемого текста на основе всестороннего филологического анализа семантической и композиционно-стилистической структуры данного текста.

Лингвистическую судебную экспертизу роднит с герменевтическим исследованием текста работа сложная по своему внутреннему существу, тонкая, аналитическая и планомерная, кропотливая и динамическая, присущая филологической интерпретации текста.

С другой стороны, многоаспектность анализа текста в ходе лингвистической судебной экспертизы определяется специфической целью, реализуемой в поставленных в запросе о лингвистической экспертизе вопросах, кор-

ректных с филологической точки зрения, учитывающих рамки правовой компетенции лингвистов-экспертов, а также задачи и возможности филологического анализа текста [Горбаневский, 2005, с. 132].

Данная цель лингвистической экспертизы состоит в том, что в анализе спорного текста акцент сделан на его рассмотрение в юридических аспектах.

Эксперты устанавливают на основе анализа, есть ли слова, словосочетания, фразы, фрагменты текста или предлагаемый для лингвистической экспертизы текст целиком доказательные утверждения, явно выраженная верифицируемая негативная информация, порочащая доброе имя конкретного физического и юридического лица, наносящая моральный ущерб его достоинству или деловой репутации, а также словесно выраженное оскорбление данного лица [Шарикова, 2018, с. 67].

Это важнейшее обстоятельство усугубляет ответственность исследователей спорного текста, требует, с одной стороны, повышенной тщательности, историко-лингвистической и фактологической выверенности анализа содержательной, композиционно-речевой структуры, стилистической стороны рассматриваемого текста, с другой стороны – высокой научной квалификации лингвистов-экспертов, в совершенстве освоивших современные методы филологического исследования, профессионально владеющих исследовательским инструментарием, необходимым для результативного анализа текста.

Один из основных постулатов анализа спорных текстов: подлинный, действительный смысл слова, фразеологизма, словосочетания, фразы выясняется только из микроконтекста высказывания, абзаца или из макроконтекста целого речевого произведения.

Важно учитывать при создании и анализе текста, что языковые единицы в контексте с другими языковыми средствами данного текста приобретают дополнительные осмысления и стилистические коннотации под влиянием контекста данного речевого произведения в развитие тех смысловых и сти-

листических значений языка. Такие значения не всегда отражены в словарях и в разного рода филологических справочниках.

Однако в судебной практике есть некоторые концептуальные основания для формирования постулата: право на ошибку или неточность в добросовестной работе журналиста существует и признаётся. Рассмотрим их в виде тезисов со ссылками на юридическое обоснование:

1. Журналист может допустить незначительную ошибку (опisku или иное аналогичное нарушение), если следствием такого действия не является искажение восприятия события.

2. Журналисты имеют право на преувеличение и даже провокацию, если аудитория при этом не вводится в заблуждение в отношении фактических обстоятельств дела.

В юридическом аспекте важно отметить, что российские суды расширяют понимание категории допустимого преувеличения или провокации и оперируют термином «право на ошибку», говоря о праве журналистов на собственное мнение и оценочное суждение.

3. Уровень ответственности за ошибку, допущенную самим журналистом или его источником, которого цитирует СМИ, должен быть дифференцированным.

4. Журналисты могут допускать ошибки, если они основаны на использовании информации из источников, признаваемых достоверными с точки зрения закона.

Резюмируя вышесказанное, следует отметить, что журналист обязан правильно и грамотно использовать правовые термины.

В следующей главе нами были проанализированы некоторые примеры, взятые из СМИ, с целью составления рекомендаций для журналистов по корректному употреблению юридических терминов.

Выводы

Проблема взаимосвязи языка и речи анализировалась многими зарубежными и отечественными учеными. В своей работе мы опирались на тезисы, принадлежащие Московской лингвистической школе, о связи языка и мышления.

Рассматривая язык и речь как два неразрывно связанных между собой аспекта человеческой жизни, отмечаем, что юридическая терминосистема, к которой относится субъект нашего исследования – юридические термины, представляет собой сложно организованную структуру, подчиняющуюся особым законам и правилам. Вычленив правовые термины из данной структуры, обыватель придает им иной смысл, в отличие от исконного. Журналист, не имеющий специального образования в области юриспруденции, употребляет термины согласно обывательской точке зрения, чем может вызвать ожидаемую реакцию униженного публично гражданина и иск в суд. В случае, если лингвистическая экспертиза выявит в материалах публикации слова и выражения, оскорбляющие честь и достоинства истца, журналист и редакция будут признаны виновными в клевете или оскорблении. Однако нередки случаи, когда журналист допустил опisku или опечатку, тогда редакция должна будет исправить ошибку и принести публичные извинения в адрес потерпевшего.

Глава 2. Анализ текстов СМИ как способ выявления ошибок в использовании юридической терминологии

2.1 Особенности некорректного употребления юридических терминов

При подготовке статьи или репортажа на резонансную тему, журналист стремится показать ситуацию с той точки зрения, которая ощущается им как наиболее правильная. Пропустив все факты сквозь авторское восприятие, публицист тем самым подвергает их художественной трансформации. В этом смысле автор является человеком, организующим формально-содержательный центр художественного видения.

Благодаря авторскому видению читатель может проникнуть в суть события, получить детальные характеристики того или иного явления. Но структурирует не только автор, но и читатель, исходя из своего восприятия мира. Из-за этого впоследствии возникает конфликт интерпретаций на разных уровнях восприятия и интерпретации текста: автор – аудитория, автор – редактор, автор – лингвист-эксперт.

В зависимости от взглядов на проблему конфликтных ситуаций, в поле внимания исследователей включаются такие явления, как коммуникативный сбой (Е.В. Падучева), коммуникативный провал (Т.В. Шмелева), коммуникативная неудача (Б.Ю. Городецкий, И.М. Кобозева, И. Г. Сабурова, Е.А. Земская, О.П. Ермакова), коммуникативная помеха (Т.А. Ладыженская), языковой конфликт (С.Г. Ильенко), речевой конфликт и др. Эти явления маркируют отрицательное поле коммуникативного взаимодействия (цит. по [Даниленко, 2006, с. 76]).

Понятием «конфликт» оперируют различные области знания – социология, психология, педагогика, юриспруденция, лингвистика, поскольку противоречия и столкновения возникают практически во всех сферах человеческой жизни: профессиональной, личной, бытовой. В каждой сфере – своя специфика конфликтов. Нас интересует коммуникация в СМИ (массовая коммуникация), её основные субъекты и особенности конфликтов.

Согласно теории конфликтологии, конфликт подразумевает столкновение сторон, состояние противоборства партнеров в процессе общения по поводу несовпадающих интересов, мнений, коммуникативных намерений, которые выявляются в ситуации общения [Даниленко, 2006, с. 88]. Следует заметить, что конфликтность лежит в самой природе языка, сотканного из противоречий. В конечном итоге они являются главным основанием его жизне-способности.

Потебня А.А. говорит о том, что множественность трактовок одних и тех же высказываний и даже их конфликт не являются недостатком, а является достоинством понимания, образующего суть интерпретации (цит. по [Даниленко, 2006, с. 176]).

Попытки классифицировать конфликты в сфере массовой коммуникации уже предпринимались. Например, О.В. Третьякова в своём учебно-методическом пособии по курсу «Конфликтология в СМИ» предлагает классификацию информационных конфликтов по форме причастности к ним редакций и журналистов: 1) СМИ – участник, 2) СМИ – зеркало, 3) СМИ – провокатор. Исследователь также выделяет конфликты с участием журналистов: внутренние (трудовые, с учредителями и рекламодателями, связанные с авторским правом, внутриличностные и межличностные) и внешние (при взаимодействии с властью, правоохранительными органами, с источниками информации, с аудиторией СМИ) (цит. по [Даниленко, 2006, с. 171]).

По мнению Н.Д. Голева, все языковые конфликты, в том числе и в СМИ, можно разделить по аспектам их возникновения, протекания и разрешения на системно-языковые (имманентные), к которым мы и относим конфликт интерпретаций, и функционально-речевые (непосредственно социальные) [Голев, 2018, с. 136–155]. Основной вектор направления задают такие цепочки: потенциальная конфликтность – реализованные конфликты (степень реализованности), конфликты естественного языка – социальные конфликты (сте-

пень социализированности), потенциал юридизации – реальная юридизация (степень юридизированности) [Голев, 2003, с. 165].

Исходя из этого, многие тексты СМИ возможно назвать потенциально конфликтными (так как они могут вступать в противоречие с установками аудитории). Потенциально конфликтные тексты содержат в себе провоцирующие на конфликт факторы, которые не обнаруживаются явно: нет маркеров, нет нарушений культурно-коммуникативного сценария, и лишь известные некоторым читателям (в том числе редактору, героям публикации или автору текста) вкрапления текста свидетельствуют о наличии или угрозе возникновения словесной напряженности.

Признаки речевого преступления «клевета» или «унижение чести, достоинства и деловой репутации» [Туранин, 2012, с. 65]:

1. Информация негативна.
2. Информация распространена – сообщена третьим лицам.
3. Информация в форме утверждения о фактах, а не мнения, оценки, предположения и других субъективных суждений.

Негативная информация:

1. Информация о нарушении гражданином или юридическим лицом действующего законодательства.
2. Информация о совершении нечестного поступка.
3. Информация о неправильном, неэтичном поведении в личной, общественной или политической жизни.
4. Информация о недобросовестности при осуществлении производственно-хозяйственной и предпринимательской деятельности.
5. Информация о нарушении деловой этики или обычаев делового оборота.
6. Информация о том, что лицо страдает заболеванием, представляющим опасность для окружающих.

Распространение информации:

Конфликт интерпретаций может возникнуть также и в случае неправильного разграничения сведения и мнения в публикации. Мнения – это оценочные суждения, которые вообще не могут быть верифицированы. Они оценивают либо само событие, либо факт, т. е. истинное суждение о событии.

Форма высказывания:

События оцениваются эмоционально, а факты – как правило, рационально.

Оценки событий и фактов могут быть независимы друг от друга. Для верной квалификации суждений о том или ином событии важно учитывать целостную структуру этого события (реального факта, ситуации).

Современная история отечественной журналистики показывает, что российские масс-медиа пытаются копировать западную схему работы СМИ, где журналисты чётко разграничивают факты и мнения, но специфика русского

менталитета, неисполнение основных постулатов, на которых держится эта концепция, не позволяют говорить нам о полноценном разграничении факта и мнения в практике СМИ.

Одной из важных задач лингвистической экспертизы, которая как раз призвана выяснять авторские установки при написании публицистического текста, является семиологический анализ текста с целью разграничения сведений, соотносимых с объективной действительностью, и мнений, носящих субъективный характер. Большое количество слов естественного языка имеет сложную структуру лексического значения, включающую денотативный компонент – информацию об окружающей действительности и коннотативный компонент – отношение автора к сообщаемому [Чернышова, 2012, с. 69].

Неприличная форма [Горбаневский, 2005, с. 67]:

1. Слова и выражения, с самого начала обозначающие антиобщественную, социально осуждаемую деятельность: *бандит, жульё, мошенник*.

2. Слова с ярко выраженной негативной окраской, составляющей основной смысл их употребления: *расисты, враг народа*.

3. Названия профессий, употребляемые в переносном значении: *палач, мясники*.

4. Зоосемантические метафоры, отсылающие к названиям животных: *кобель, свинья*.

5. Глаголы с “осуждающей” семантикой или даже с прямой негативной оценкой: *украсть, ханнуть*.

6. Слова, включающие в свое значение негативную, причем весьма экспрессивную оценку чьей-нибудь личности: *гадина*.

7. Эвфемизмы, сохраняющие их оценочный и резко негативный характер: *женщина легкого поведения, путана*.

8. Окказиональные или специально созданные каламбурные образования, направленные на унижение или оскорбление человека: *коммуняка, прихватизация*.

В случаях, если пострадавший считает, что ему нанесено оскорбление, назначается судебно-филологическая экспертиза, перед которой ставятся следующие вопросы:

1. Являются ли вышеуказанные словесные конструкции сведением либо мнением автора статьи?
2. Содержатся ли в данных словесных конструкциях негативные сведения о потерпевшем, его деятельности и о его личных, а также моральных качествах?
3. В каких именно высказываниях из указанных словесных оборотов содержатся негативные сведения об истце?
4. Могут ли данные сведения быть квалифицированы как порочащие честь, достоинство и деловую репутацию потерпевшего?

Ученые рассматривают такие наиболее частотные ошибки в текстах и выступлениях СМИ: *бандит, преступник, убийство, убийца, заказчик, повинные в гибели, организатор преступлений, исполнитель преступления, соучастник убийств, соисполнитель, участник преступлений* [Голев, 2018, с. 64]. Материалом исследования по данной теме являются выдержки из статей газеты «Аргументы и факты» с 05.11.2010 по 02.12.2010 г., в которых содержится представление криминальных событий в селе Куцевка Краснодарского края (рассмотрено 14 газетных статей).

Термины, анализируемые нами в данной работе, отобраны по принципам:

- 1) употребительность,
- 2) тематическая принадлежность,
- 3) синхронность (временной фактор),
- 4) семантическая ценность термина,
- 5) нормативность,
- 6) сочетаемость.

Почему данные слова находятся в зоне риска? Проверим их значения по нормативным толковым словарям.

1. *Бандит*. Пример: «Полиция нашла бандитов». Бандитизм – преступление против общественной безопасности, предусмотренное ст. 209 УК РФ, заключающееся в: а) создании устойчивой вооруженной группы (банды) в целях нападения на граждан или организации, а равно руководство такой группой (бандой); либо б) участии в устойчивой вооруженной группе (банде) или в совершаемых ею нападениях [УК РФ, 1996, с. 56].

Сам факт организации вооруженной банды признается окончательным преступлением, даже если участники ее не совершили ни одного нападения. Участие в банде – тоже окончательное преступление.

Исходя из этого, бандит – это участник банды, совершающей бандитизм, то есть преступление [Ожегов, 2015, с. 196]. Так как виновность подозреваемых в убийстве не была на тот момент доказана в предусмотренном федеральным законом порядке и не установлена вступившем в законную силу приговором суда в соответствии со ст. 49. п. 1. Конституции РФ автор статьи, используя данный термин по отношению к человеку, еще только подозреваемому в преступлении, приближается к зоне правового риска, так как может быть обвинен в распространении порочащих сведений [Конституция РФ, 2020, с. 74].

2. *Преступник*. Пример: «После совершения убийства преступник пытался скрыть следы расправы». В словаре С.И. Ожегова мы встречаем такое определение: человек, который совершает или совершил преступление. П. осуждён. Военный п. | жен. преступница, ы [Ожегов, 2015, с. 358].

Словарь Ефремовой дает нам такое толкование: тот, кто совершает или совершил преступление, является преступником, перен. Тот, кто совершил что-л. запрещенное, недозволенное или вредное для кого-либо, чего-либо [Ефремова, 2000, с. 184].

В словаре синонимов можно проследить отношение общества к человеку, совершившему преступление - законопреступник, безбожник, беззаконник, злоумышленник, покуситель, злодей; грабитель, громила, насильник, разбойник, хищник, убийца, висельник, окаянник; человек с уголовной репутацией, джентльмен (с большой дороги), работник (ножа и топора), вор; грешник; правонарушитель; урка, варнак, фальшивомонетчик, рецидивист, лиходей, жулик, нечестивец, бандит, тать, босяк, уголовник, компрачикос, цеховик, виселица по нем плачет, делинквент, тюрьма по нем плачет, петля по нем плачет, каин, бандюк, карманник, мафиози, мазурик, мошенник, рэкетир, бытовушник, щука, криминалитет, законоотступник, уркаган [Абрамов, 2017, с. 167].

Уголовно - процессуальный Кодекс Российской Федерации и Уголовный Кодекс Российской Федерации не содержат конкретного понятия «преступника». Однако Уголовный Кодекс Российской Федерации дает определение понятию «преступление». Статья 14 Уголовного Кодекса Российской Федерации гласит: «преступлением признается виновно совершенное общественно опасное деяние, запрещенное настоящим Кодексом под угрозой наказания». Соответственно, преступником признается лицо, виновно совершившее общественно опасное деяние, запрещенное Уголовным Кодексом Российской Федерации под угрозой наказания. В соответствии со статьей 14 Уголовно - процессуального Кодекса Российской Федерации, обвиняемый считается невиновным, пока его виновность в совершении преступления не будет доказана в предусмотренном Уголовно-процессуальным Кодексом Российской Федерации порядке и установлена вступившим в законную силу приговором суда.

Таким образом, преступник – это человек, который совершает или совершил общественно опасное деяние, запрещенное УК РФ под угрозой наказания. В Юридической энциклопедии дано следующее определение слову «преступник»: (англ. *criminal*) вменяемое физическое лицо, достигшее уста-

новленного уголовным законом возраста, способное нести уголовную ответственность за совершенное им преступление, т.е. быть субъектом этого преступления. Субъектом преступления может быть индивид, достигший 16 лет, а в некоторых ситуациях 14 лет. В узком смысле при оценке личности преступника решались вопросы, мог ли он совершить преступление, не совершал ли преступлений в прошлом, действовал ли сознательно и в здравом уме, то есть главное внимание уделялось фактически содеянному и отношению человека, совершившего преступление, к содеянному, а также тому, представлял ли преступник общественно опасную личность в целом [Тихомирова, 2017, с. 147].

Таким образом, обыденное понимание данного термина шире, чем правовое.

3. *Убийство*. Пример: «После совершения убийства преступник скрылся». Убийство – умышленное причинение смерти другому человеку; самое тяжкое преступление против личности [УК РФ, 1996, с. 47], преступное, умышленное или по неосторожности, лишение жизни [Ожегов, 2015, с. 563].

4. *Убийца* – тот, кто совершил убийство [УК РФ, 1996, с. 48], [Ожегов, 2015, с. 562]. Пример: «Братья совместно с четвертым убийцей являются жителями села».

5. *Заказчик преступления*. Пример: «задержан заказчик преступления в станице». Заказчик, - а, м. Тот, кто делает заказ (в 1 знач.), заказывает что-н. || ж. заказчица, - ы. || прил. заказчицкий, - ая, - ое [Ефремова, 2000, с. 95].

Заказать, - ажу, - ажешь; - азаный; сов., что. Поручить кому-н. изготовить, сделать что-н. З. костюм. З. обед. || несов. заказывать, - аю, - аешь. || сущ. заказ, - а, м. Получить, принять з. на что-н. По заказу (также перен.: по чьей-н. просьбе, требованию). Обувь на з. Стол заказов. || прил. заказной, - ая, - ое. Заказные блюда (в ресторане). Заказное убийство, заранее подготовленное и осуществленное профессиональным убийцей [Ожегов, 2015, с. 123].

То есть заказчик – это тот, кто поручил совершить преступление.

6. *Повинный в гибели*. Пример: «Задержан лидер местной преступной группировки, которая повинна в гибели многих человек». Повинный, -ая, -ое; -инен, -инна. 1. То же, что виноватый. Ни в чем не повинен. 2. Обязанный, должный (устар.). Повинен уплатить долг. * Повинную голову меч не сечет (посл.) – того, кто повинился, раскаялся, нужно простить [Ожегов, 2015, с. 353].

Гибель, - и, ж. Уничтожение, разрушение, смерть (от катастрофы, стихийного бедствия, насилия). Г. растений. Г. корабля. Обречь на г. Трагическая г. На краю гибели (об очень опасном положении) [Ожегов, 2015, с. 133].

7. *Организатор резни*. Пример: «Организатор резни устроил скандал». Организатор, - а, м. Тот, кто организует что-н. О. экскурсий. Умелый о. || прил. организаторский, - ая, - ое. О. талант.

Резня, - и, ж. Массовое жестокое избиение, массовые убийства. Кровавая р. [Ожегов, 2015, с. 453].

8. *Исполнитель преступления*. Пример: «Задержан самый жестокий исполнитель преступления». Исполнитель, - я, м. 1. Тот, кто исполняет (в 1 знач.) что-н. И. чужой воли. Судебный и. (должностное лицо, осуществляющее принудительное исполнение судебных решений, определений). 2. Артист, исполняющий художественное произведение перед публикой, в кино, на телевидении. И. музыкальных произведений. И. роли Фамусова, || ж. исполнительница, - ы. И. романсов. || прил., исполнительский, - ая, - ое. Исполнительское мастерство. [Ожегов, 2015, с. 143].

9. *Соучастник убийства* – «человек, который участвует вместе с кем-нибудь в убийстве». Соучастник, - а, м. (офиц.). Человек, который участвует вместе с кем-н. в совершении чего н. (обычно неблагоприятного). С. преступления или е преступления. || ж. соучастница, - ы [Ожегов, 2015, с. 490]. Пример: «В ночь на 25 ноября в ходе спецоперации, проведенной оперативниками ГУОЩ, задержан еще один из соучастников убийства людей в селе, как сообщили АиФ в СК РФ». Наравне с этим можно отметить сочетание *соис-*

полнитель массового убийства – «Тот, кто выступил исполнителем массового убийства вместе с кем-либо». Пример: «Этот человек рассматривается следствием как один из самых жестоких соисполнителей массового убийства в селе».

Соисполнитель, - я; м. Юрид. Тот, кто выступает исполнителем чего-л. (проекта, решения и т. п.) совместно с кем -, чем-л. <Соисполнительница, - ы; ж. Соисполнительский, - ая, - ое. Соесотрудничество [Ожегов, 2015, с. 485].

10. *Участник преступления*. Пример: «На данный момент почти все участники этого преступления взяты под стражу». Участник, - а; м. Тот, кто принимает участие в чём-л. У. конференции, совещания. У. похода, экспедиции. У. исторических событий. У. Великой Отечественной войны. <Участница, - ы; ж. [Ожегов, 2015, с. 553].

Использование данных юридических терминов приводит к коммуникативным неудачам (по классификации Земской – «неосуществление или неполное осуществление коммуникативного намерения говорящего»), в нередких случаях - даже к коммуникативным конфликтам (цит. по [Даниленко, 2006, с. 35]). Коммуникативный конфликт является речевым столкновением, основанным на агрессии, выраженной языковыми средствами, что закономерно возникает в случаях нарушения принципов презумпции невиновности журналистами в своих статьях и публикациях. Особенно большой резонанс вызывают такие из данных выше терминов, как убийца, бандит, преступник, резня, поскольку характеризуют крайнюю степень вины в совершенном преступлении.

Еще одна категория слов, которые журналисты нередко ошибочно воспринимают синонимами: *подозреваемый, обвиняемый, подсудимый*. У многих авторов публикаций возникают сложности в определении статуса этих лиц. Для того, чтобы разобраться в данном вопросе, необходимо обратиться к закону. Статья 46 Уголовно-Процессуального Кодекса гласит: «Подозреваемым является лицо, в отношении которого возбуждено уголовное дело, ко-

торое задержано, к которому применена мера пресечения до предъявления обвинения, которое уведомлено о подозрении в совершении преступления». Статья 47 «Обвиняемым признается лицо, в отношении которого вынесено постановление о привлечении его в качестве обвиняемого, вынесен обвинительный акт, составлено обвинительное постановление. Обвиняемый, по уголовному делу которого назначено судебное разбирательство, именуется подсудимым. Обвиняемый, в отношении которого вынесен обвинительный приговор, называется осужденным. Обвиняемый, в отношении которого вынесен оправдательный приговор, является оправданным» (цитата по [Сухарева, 2014, с. 78]). Таким образом, подсудимый – это тот же обвиняемый, только в судебном процессе.

В чем разница между подозреваемым и обвиняемым? *Подозреваемый* – лицо, которое подозревается в совершении преступления, а *обвиняемый* – лицо, которое признано таковым постановлением или обвинительным актом, в связи с достаточными для этого доказательствами.

Так как преступник – лицо, виновно совершившее деяние, то оно становится таковым только после исчерпывающего доказательства его вины и установления ее вступившим в законную силу приговором суда. Фактически же преступником становится человек, совершивший преступление, а юридически – когда вина его доказана в судебном порядке. Исходя из фактической точки зрения, понятие *преступник* возникает раньше остальных понятий. Этим фактом, как и общественным мнением руководствуются авторы публикаций.

Исходя из вышесказанного, можно сделать вывод о том, что, с юридической точки зрения, в начале уголовного процесса появляются *подозреваемый*, *обвиняемый*, *арестованный*, лишь затем – *преступник*. Понятие *преступник* косвенно и имплицитно содержит в себе понятия *подозреваемый* и *обвиняемый*.

Нужно добавить, что ни на одном этапе уголовного судопроизводства, в соответствии с Уголовно - Процессуальным Кодексом Российской Федерации, понятие *преступник* не используется.

В соответствии со статьей 47 Уголовно - процессуального Кодекса Российской Федерации, обвиняемый, по уголовному делу которого назначен суд, именуется подсудимым. Обвиняемый, в отношении которого вынесен обвинительный приговор, называется осужденным.

Понятие *обвиняемый* является первичным по отношению к понятию *подсудимый*. Понятие *подсудимый* в своем определении содержит определение *обвиняемого*.

Понятие *осужденный*, хотя это прямо и не сказано в Уголовно - процессуальном Кодексе Российской Федерации, включает понятие *подсудимый* и является по отношению к нему вторичным (цитата по [Сухарева, 2014, с. 97]).

Понятие *осужденный* содержит в своем составе понятие *обвиняемый*. Не всякий осужденный является преступником. Исходя из практики нередки случаи, когда судами допускаются ошибки, приводящие к осуждению не виновного, то есть не преступника.

Как известно, не всякий преступник бывает осужден. Это может быть связано с тем, что для осуждения преступника в судебном порядке необходимо четко установить его вину, что не всегда объективно удается, при этом выдержав все процессуальные нормы, а также по разным другим причинам.

Все вышеперечисленные термины права представляют собой номинации с высокой степенью правового риска [Голев, 2003, с. 58]. Данная квалификация с юридической точки зрения обусловлена тем, что распространение порочащих сведений предполагает юридическое понимание признака «порочащие». В Комментариях к статье 152 Гражданского Кодекса РФ «защита чести и достоинства граждан» говорится: «В соответствии с абз. 2 п. 2 постановления Пленума ВС. No 11 к порочащим отнесены сведения, содержащие

утверждения о нарушении гражданином или юридическим лицом действующего законодательства и моральных принципов (о совершении нечестного поступка, неправильном поведении в трудовом коллективе, быту и другие сведения, порочащие деловую репутацию и т. п.)» (цитата по [Сухарева, 2014, с. 184]).

Общее составляющее в данных юридических терминах – это сема «человека нужно наказать». Так складывается в обыденном сознании отношение к людям, нарушившим закон, называемое в научной литературе абсолютным знанием [Улыбина, 2001, с. 73], заключающееся в том, что нарушитель закона, нередко он же преступник, должен быть и будет наказан, сидеть в тюрьме. Выражение необходимости наказания в контексте русского языка разнообразно. Наиболее распространенные варианты – понесет наказание, несет уголовную ответственность, должен понести справедливое наказание, заслуживает наказания, подлежит аресту, нужно предать справедливому суду, предстанет перед судом, будет осужден, будет задержан, подлежит аресту, должен сидеть в тюрьме и т.д. Отмечается схожее осмысление особого рода, то есть частое совпадение структуры толкования незнакомого слова, когда завершение первоначальной фразы связано с наказанием. Данный факт доказывает существование особого коллективного взгляда, выражающего отношение многих и разных людей, на самом деле являющееся отношением общества, к такому человеку.

В обыденном сознании происходит отождествление правонарушителя с преступником. «Обыватели называют преступником человека, обвиняющего себя/наговаривающего на себя; человека, часто делающего ошибки; нарушающего порядок» [Улыбина, 2001, с. 95].

Таким образом, существует немало терминов права, которые воспринимаются и переосмысливаются обывателями некорректно. Как можно исправить подобную ситуацию? Журналисты справляются с этим по-разному. Наблюдения за материалом показывают несколько направлений снижения правового-

го риска в сфере номинации лиц, обвиняемых или подозреваемых в совершении преступлений:

- 1) детерминологизация,
- 2) эвфемизация
- 3) легевфемизация,
- 4) дистанцирование от личных оценок, отнесение их к другим, в

первую очередь – официальным субъектам [Голев, 2018, с. 50].

Детерминологизация. Уклонение от использования юридических терминов и слов, увязывающих текст СМИ с текстом статей Уголовного кодекса РФ объективно снижает фактор риска. Даже если публицист использует слова и выражения, придающие тексту сильную эмоциональную окраску, он менее ответствен в правовом отношении, чем в тех случаях, когда он использует термины права. Слова юридической терминосистемы относятся к области жестко обусловленной семантики, они фактологичны, верифицируемые, органично включаются в разряд сведений, которые могут быть также квалифицированы как распространение порочащей информации. Слова типа *изверги* (не бандиты) или *кровавый шабаш* (не преступление или убийство) являются скорее оценочными словами, выражающими мнение автора публикации в газетах или журналах [Голев, 2012, с. 58].

В целом замена номинаций, скажем, *групповое убийство* или *бандит* номинациями типа *бойня*, *резня* или *изверг* может быть квалифицирована как эвфемизация, невзирая на то, что классический эвфемизм предполагает использование мягкого выражения взамен грубого и неприличного. Однако в парадигме уклонения от рисков такие выражения, так или иначе смягчают высказывание.

М. А. Осадчий для данной парадигмы предложил использовать термин «легевфемия» – замена опасного выражения менее опасным с целью уклонения от правовых рисков [Осадчий, 2013, с. 179–181]. Использование вместо термина нетерминологического слова или выражения – одна из форм легев-

фемии. Авторы таких номинаций, скорее всего, не знакомы с данным понятием, но интуитивно пользуются этим приемом для уменьшения правовых рисков.

Чаще всего эвфемизация используется путем отсылки на общественное мнение, когда автор уверен в известности события. Конкретное событие далее становится именем типового события, а само имя из разряда собственных переходит в разряд нарицательных и нередко его пишут с маленькой буквы и в кавычках. «Название географического объекта с легкой руки наших СМИ становится символом – именем общенародного концепта» [Осадчий, 2012, с. 10].

Самый простой и типичный способ легевфемии – журналист квалифицирует не сам правовое содержание, а передает квалификацию другим лицам или организациям, ссылаясь иногда на общественное мнение (считается, как известно в широких кругах), иногда – на официальное лицо (по данным следствия, в сообщении полиции).

Проанализируем наименования, дистанцированные от правовой сферы.

1. *Подозреваемый*, - ые (в убийстве, в заказе преступления, в причастности к убийству, в организации массового убийства).

2. *Предполагаемый*, - ые *убийца*, - ы (организатор, заказчик преступления, исполнитель убийства).

Подозреваемый – это лицо, которое задержано по подозрению в совершении преступления, а также лицо, к которому применена мера пресечения до предъявления обвинения (ст. 52 УПК).

Таким образом, становится совершенно неважным, какие далее номинации, согласующиеся с термином *подозреваемый*, будет использовать журналист. *Подозреваемый в убийстве, в заказе преступления, в причастности к убийству или в организации массового убийства* – употребление термина *подозреваемый* снимает какие-либо риски перед законом, так как нет прямого обвинения в преступлении со стороны автора статьи или публикации. То есть

сочетание *предполагаемый убийца* так же уместно употреблять, как и *подозреваемый в убийстве*. Предполагаемый определяет неуверенность утверждения, носит выражение субъективности, подозреваемый имеет два качественно различных статуса – юридический (термин) и общенародный (нетермин) [Додонов, 2001, с. 79]. Так, убийство как деяние – определенное правонарушение, а слово «убийство» – юридический термин.

Эксперт-лингвист не вправе прямо отвечать на вопрос – было оскорбление или нет, так как оскорбление – это определенный вид нарушения закона, а слово «оскорбление» – юридический термин. У эксперта своя зона риска в употреблении определенных слов и терминов.

Каких фраз следует избегать журналисту и как исправить некорректное высказывание? На этот счет разработаны некоторые рекомендации:

1. Специалисты по лингвоэкспертизе советуют начинающим журналистам заменять утверждение о факте своим мнением. Являясь совокупностью тесно связанных между собой суждений, заключающих в себе скрытое или явное отношение и оценку фактов действительности, мнение не может быть признано экспертизой нарушением правовых норм.

Утверждение о фактах	Мнение
«Перемещение господина К. в число депутатов городского Собрания обошлось ему в один миллион рублей».	«По мнению редакции, – искусственное перемещение господина К. в число депутатов городского Собрания обошлось ему в один миллион рублей».

2. Утверждение о фактах можно заменять оценкой, которая, как и мнение, является субъективной, а следовательно, уголовно не наказуема.

Утверждение о фактах	Оценочное суждение
Сотрудница этой аптеки продала сильнодействующий препарат без рецепта.	Это самые «удобные» аптеки для наркоманов.

3. Вариантом редактирования текста может служить замена утверждения о фактах предположением. Предположение в отличие от утверждения содержит специальные маркеры – слова, тон изложения мыслей, выражающие неуверенность, вероятность происхождения того или иного события, сомнение, одну из некоторого ряда возможных версий. Предположение по сути своей является одной из форм выражения мнения, когда автор текста или речи хочет подчеркнуть предварительный характер высказываемых доводов или собственную неуверенность в их достоверности. Предположение невозможно признать ложным или истинным, а также опровергнуть.

Утверждение о фактах	Предположение
Директор присвоил себе деньги предприятия и сбежал за границу.	Возможно, внезапная поездка директора за границу была связана с присвоением им денег предприятия.

4. Утверждение о фактах в некоторых случаях уместно заменять директивой. Корректно сформулированная директива позволит автору сделать суждение безопасным в правовом отношении, но не менее эмоциональным.

Утверждение о фактах	Директива
Эти материалы легли в основу уголовного дела.	Таким материалам самое место в уголовном деле.

5. Иногда вместо утверждения о фактах целесообразно использовать суждение о состоянии или намерении другого лица.

Утверждение о фактах	Суждение о состоянии (намерении) другого лица
Х организовал новое ЖСК и продолжил обманывать пайщиков.	Х организовал новое ЖСК, чтобы продолжать обманывать пайщиков.

При редакционной правке журналисту рекомендуется употреблять такие вводные конструкции: создавалось впечатление, что...; обстоятельства произошедшего могут натолкнуть на мысль о том, что...; чувствовалось, что... Применяя синонимы из сферы общего употребления вместо юридических терминов авторы статей также смогут избежать конфликта.

В статье под заголовком «Молодая женщина обвиняет семью крупного российского предпринимателя и политика ... в похищении ее сына» (цитата по [Осипов, 2010, с. 56]). Словарное определение глагола *похитить* таково: «тайно завладеть, самовольно взять в свою собственность» [Ожегов, 2015, с. 397]. Описываемое в тексте событие недостаточно точно соответствует семантике глагола: в нем отсутствуют компоненты «присвоить чужое, то, что похитителю не принадлежит», «с целью обогащения или другой выгоды», «насильственно по отношению к похищаемому», «грубо нарушив закон». Определяемый глагол соответствует ситуации лишь оттенками значений – «забрать вопреки желанию», «вызвать страдания жертвы». Безусловно, употребление данного глагола объясняется не столько реально случившимися

событиями, сколько эмоциональным состоянием автора статьи, вызванным этими обстоятельствами. Однако при этом для обозначения ситуации используется слово, не имеющее в структуре сигнализирующего значения оценочных компонентов и потому обладающий конкретными свойствами. В последующих публикациях подобное неосторожное выражение было заменено словами «забрал», «отнял», «не дают встречаться», являющимися наиболее точными при обозначении ситуации. Такой пример демонстрирует процесс создания конфликта интерпретаций и субъективности автора. Субъективность выражается, прежде всего, в выборе языковых средств и позиции при интерпретации. Из существующего набора терминов, клише и штампов выбираются наиболее уместные в конкретном тексте. Во многом подобна ситуация с отбором и интерпретацией фактов. Отбор и оценка последних осуществляется на основе личного опыта автора, в том числе и профессионального. Для журналистов объективность означает не математическую или научную точность, а такое освещение новостей, исключаящее эмоции и отделяющее факты от субъективных мнений. Конфликт интерпретаций в этом случае очень часто является неизбежным и закономерным следствием чрезмерной словесной экспрессии и неоднозначности публицистического материала и причиной различных юридических конфликтов, связанных с такими уголовными преступлениями, как оскорбление и клевета. Все вышперечисленные аспекты рассматриваемой проблемы позволяют говорить о том, что конфликт интерпретаций является одним из важнейших и основополагающих конфликтогенных факторов в сфере средств массовой коммуникации [Осипов, 2010, с. 57].

В научной литературе по вопросу о нарушениях журналистами презумпции невиновности приведено множество примеров ошибок, связанных с юридическими терминами. Например, в такой фразе, как «В настоящее время почти все участники этого преступления взяты под стражу» *участников*

преступления следует заменить на *подозреваемых*. Это снизит вероятность правового риска для журналиста.

Следовательно, текст получает свое реальное наполнение и адекватное осмысление через выход в экстралингвистическую реальность – ситуацию.

Ситуация как таковая является условием возникновения напряженности слова. Спорный текст представляет собой основополагающий, но не единственный элемент в системе речевой коммуникации. Следует признать, что текст выражает необходимое содержание в большей степени, чем совокупность составляющих его единиц. Текст является не только результатом речи, но и процессом, включающим условия речепроизводства. Верная интерпретация конфликтного высказывания предполагает изучение ситуативно обусловленного слова, что предполагает выход лингвистики в социальную конфликтологию и психологию.

Качественными признаками напряженности слова являются такие характеристики, как социальный статус коммуникантов, измененное психологическое состояние адресата, конфликтная речевая ситуация, дискредитирующая направленность высказывания, степень распространения сведений, роль прессы, публичность. Рассмотренные выше ситуации позволяют заключить, что текст публикации имеет достаточно прочные связи с социальной стороной дискурса. В свою очередь, по своей природе и происхождению напряженность слова является достаточно дискуссионным понятием.

Ситуация является основой понимания и интерпретации текста, квалификации лексемы как унижительной или неунижительной. Следовательно, текст необходимо рассматривать не только как языковое или речевое явление, а также как событие, имеющее социальное значение.

В заключение отметим еще раз, что не журналист определяет, кто является преступником; этим правом не наделены также ни полиция, ни прокуратура, ни следствие. Эта прерогатива принадлежит судье и никому больше. До вынесения окончательного приговора любой гражданин, которой проходит

по делу в качестве подозреваемого, обвиняемого или подсудимого, находится под защитой презумпции невиновности.

Журналист обязан правильно и грамотно использовать термины, определяющие юридический статус лица, в отношении которого возбуждено уголовное преследование. В ряду тех, кто не уполномочен квалифицировать правонарушение, находятся и судебные эксперты, в том числе и эксперты-лингвисты.

2.2 Опыт разработки внеклассного мероприятия на тему:

«Юридическая грамотность, или Кто такой преступник?»

Внеклассное мероприятие представляет собой целенаправленно организованное событие во внеклассной жизни обучающихся с целью непосредственного воспитательного воздействия на детей. К внеклассным мероприятиям относятся игры, экскурсии и встречи с сотрудниками полиции. Цель внеклассных мероприятий – обеспечение всестороннего и гармоничного развития школьников. Важнейшими задачами таких занятий является обогащение обучающихся новыми, интересными фактами, понятиями, отражающими различные стороны жизни человека и общества, усиление их интереса к деятельности полиции.

Данное мероприятие проводилось на базе общеобразовательной школы № 34 города Красноярска в рамках системы занятий по правовой пропаганде «Правовой всеобуч», который охватывает все школы и является одним из наиболее эффективных средств популяризации юридической грамотности среди школьников, их родителей и педагогов.

Мероприятие проводилось в 6 классе. Во внеклассном занятии принимало участие 25 детей. Контингент испытуемых: все дети из полных семей, у большинства есть старшие и младшие братья и сестры, семьи среднего достатка, отцы работают, матери занимаются домашним хозяйством. Дети успешно контактируют со сверстниками, активно участвуют в школьных мероприятиях. 8 % детей класса (2 человека) из неблагополучных семей. Один ребенок стоит на профилактическом учете в полиции.

Мероприятие проходило в несколько этапов:

I. Подготовительный, который включал подбор системы заданий для эффективного усвоения материала по теме. Упражнения подбирались в соответствии с возрастом испытуемых и на основе рекомендаций, составленных нами в пункте 2.1 данной исследовательской работы. Целью занятия было воздействовать на личность ребенка, с помощью грамотно заданных вопро-

сов сформировать определенные интеллектуальные, моральные и волевые качества личности, чтобы в процессе обучения вносить изменения не только в интеллектуальную сферу ребенка, но и в психическое развитие его личности в целом. Мероприятие организовано как командная игра, так как групповая работа помогает школьникам успешно усваивать материал, развивает их творческие способности, позволяет преодолеть страх ошибиться. Самое важное в таком варианте взаимодействия – обучение детей в сотрудничестве, когда каждый ребенок, взаимодействуя с другими детьми, проявляет личную ответственность и заинтересованность в участии и достижении результата.

II. Проведение занятия.

Структура внеклассного мероприятия на тему: Юридическая грамотность, или Кто такой преступник?

Цели:

- воспитание правовой грамотности учащихся;
- формирование и закрепление норм и правил употребления в речи таких слов, как *преступник*, *подозреваемый* и т.д.;
- изучение места *клеветы* и *оскорбления* в уголовном и административном праве;
- изучение мер ответственности за клевету в соответствии с уголовным кодексом Российской Федерации;
- изучение мер ответственности за правонарушение в форме оскорбления в соответствии с кодексом об административных правонарушениях Российской Федерации;
- развитие умения рассуждать, высказывать мнение, дискутировать.

Задачи:

- 1) содействовать воспитанию чувства уважения к правовым нормам;
- 2) разъяснить обучающимся понятия *оскорбление* и *клевета*, рассказать о мерах ответственности за данные правонарушения;

- 3) научить детей защищать себя от оскорблений и клеветы;
- 4) развивать в ребенке навыки групповой и индивидуальной работы.

Тип урока: урок комплексного применения знаний.

Методы обучения: проблемный, частично-поисковый, исследовательский, дедуктивный, аналитический, элементы опережающего и проблемного обучения, демонстрация.

Междисциплинарные связи: русский язык, конституционные и административные отрасли права, уголовное и административное право, история культуры, материальные отрасли права, история, обществознание.

Оборудование:

Презентация, карточки с заданиями.

Ход занятия

1. Организационный момент. Взаимное приветствие педагога и обучающихся (2 минуты).

2. Мотивация учебной деятельности. Какие виды ответственности вы знаете? (Ответы детей) (ответ известен детям из предыдущих занятиях данного цикла).

3. Введение в тему. Вступительное слово учителя о том, как важны нормы права, какой вид ответственности возникает за их нарушение (особенно актуальна данная тема на фоне недавнего конфликта, когда один из учеников совершил противоправное действие, за которое был назван «преступником»). «Конфликтные ситуации между людьми возникают довольно часто, затем перетекают в ругань, а после доходят до прямых оскорблений или, того хуже, до клеветы или до драки уже в реальном общении. К сожалению, не каждый подросток, осознает совершаемые им противоправные деяния, которые ведут к тяжелым и трудноисправимым последствиям. Ежегодно подростками совершается более 145 тыс. различных преступлений, практически каждый пятый из них направляется для отбывания наказания в виде лишения свободы в воспитательные колонии (ВК)». (5 минут)

4. Разминочное задание (игра) - «Юридический словарик» (командная работа). Каждой команде выдается листок с терминами. На слайде презентации появляются определения юридических понятий и первая буква термина, необходимо догадаться, о каком слове идет речь. Капитан справившейся с заданием команды поднимает руку и показывает учителю ответы, которые тот фиксирует. После того, как все группы справились с упражнением, представители команд называют слова, происходит их проверка по слайду презентации. Учитель присуждает баллы за скорость и правильность выполнения задания. (7 минут)

5. Задание на ассоциации слов (*преступник, обвиняемый, подозреваемый, подсудимый*), сложение их в цепочку от начала совершения преступления до финального этапа (работа в командах). Проверка по слайду, обсуждение. Чем отличаются по смыслу эти слова? Чем они похожи? Часто ли вы слышали эти слова по телевизору? (8 минут)

6. Задания с ситуациями на правовую тему (как нужно поступать в рамках закона). Комментарий о том, как квалифицируются данные правонарушения, какая ответственность будет ожидать взрослого и несовершеннолетнего (на слайдах). Что нужно сделать, чтобы не допустить подобного? (10 минут)

7. Проверь себя, исправь ошибки – фрагменты газетных и журнальных статей с неправильно употребленным юридическим термином (проверка по слайду). Обратите внимание на первое утверждение. Журналист корректно сослался на представителей правоохранительных органов, чем снял с себя ответственность за опубликованный текст. Следует также помнить, что представителям прессы не рекомендуется публиковать имена, фамилии подозреваемых, названия организаций и точные адреса совершенных преступлений до вынесения судебного решения по данным делам. Если журналист пользуется непроверенным источником или разглашает тайну следствия, то может понести наказание за клевету (8 минут).

8. Итог мероприятия, распределение призовых мест, обобщение знаний о терминах - проступок, правонарушение, преступление, закон. Анализ проведенной работы, обратная связь в виде таблицы по теме. Впечатления детей от занятия. Продолжите фразу:

- Сегодня на уроке я узнал...,
- Сегодня на уроке я научился...,
- Сегодня на уроке мне понравилось...
- Сегодня на уроке я поработал над...,
- Сегодня на уроке я поставил бы себе оценку...

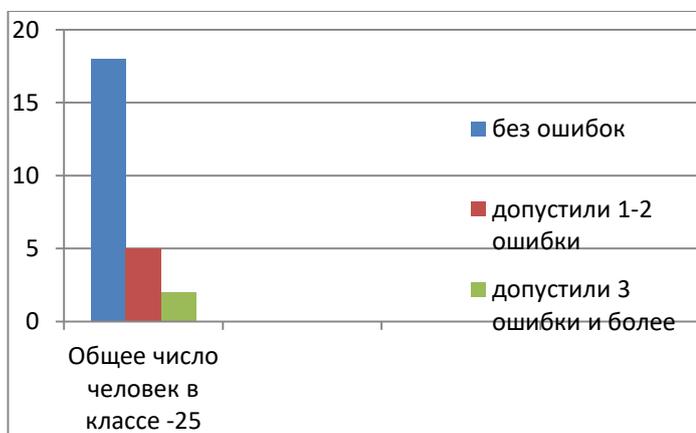
(10 минут)

III. Подведение итогов исследования.

На этом этапе был проведен анализ заполнения таблицы (Приложение 2), выданной в электронном режиме – по почте. Выполнялось упражнение также в электронном режиме, с последующей отсылкой таблицы на электронную почту классного руководителя, что позволило получить результаты работы на занятии в кратчайшие сроки.

В данном задании участвовали все ученики (25 человек) класса, в котором проводилось внеклассное мероприятие. Таблица включала 5 ситуаций на правовую тему, напротив которых школьникам нужно было поставить знак «+» под необходимым юридическим термином.

Диаграмма с результатами выполнения задания.

Как видно из диаграммы, более половины детей (72 %) справились с заданием без ошибок, 5 человек (20 %) допустили 1-2 ошибки. Двое учеников (8 %) допустили три ошибки и более.

После проведения мероприятия в классе наметилась тенденция к повышению уровня юридической грамотности у школьников. Проведенное внеклассное мероприятие способствовало уменьшению в классе ситуации напряженности, вызванной конфликтом между ребенком, стоящим на учете в полиции, и его одноклассниками.

В ходе внеклассного мероприятия обучающиеся показали высокий уровень заинтересованности. Тема была для них актуальна. Большое количество вопросов со стороны детей говорит о том, что данная тема вызвала интерес, в некотором роде даже спор. Активные формы обучения составляли большую часть занятия. Наибольшую эффективность показали упражнения, где использовались проблемные ситуации, лингвистические угадки, микроисследования. Разработанные в данной научной работе рекомендации можно также включить в разнообразные виды упражнений, таких, как:

- задания с элементами занимательности,
- мини-сочинения на лингво-правовую тематику,
- ролевые, деловые игры,
- соревнования,
- вопросы-шутки,
- дебаты и т.д.

В результате проведенной рефлексии каждый школьник выяснил:

1. ради чего он изучил данную тему и как правовая грамотность поможет в дальнейшей жизни,
2. какие цели преследовало данное мероприятие, какие из них были достигнуты,
3. какой вклад в общее дело может внести он,

4. может ли он адекватно оценить свой труд и работу своих одноклассников.

Выводы

На основе текстов СМИ мы проследили динамику ошибочного употребления терминов российского уголовного права журналистами, выявили перечень слов, входящих в поле риска.

Журналист, употребляя термины права, выделенные нами как наиболее проблемные, создает заведомо конфликтную ситуацию, которая зачастую вместо ожидаемой славы приносит автору неприятности.

Изучение и анализ неточностей в употреблении терминов позволил нам разработать рекомендации по недопущению возникновения спорных ситуаций некорректного употребления данных слов в текстах СМИ. Рекомендации касались замены утверждения о факте своим мнением, субъективной оценкой, предположением, директивой, суждением о состоянии или намерении другого лица, применять синонимы из сферы общего употребления во избежание конфликта.

Комплекс заданий на предотвращение искажений юридических терминов оформлен нами в план внеклассного мероприятия для школьников.

Нами было проведено занятие, которое показало эффективность упражнений и игровых заданий на формирование представления обучающегося о корректном употреблении юридических терминов. Такая работа направлена на предупреждение возникновения ошибочного толкования терминов права в обыденном языковом сознании и воспитание правовой грамотности.

Заключение

Современное состояние проблемы некорректного употребления терминов российского уголовного права в СМИ требует разработки путей решения. Происходят изменения в направлении снижения правового риска в сфере номинации лиц, обвиняемых или подозреваемых в совершении преступлений. С этой целью мы проанализировали 14 текстов газетных статей, из которых выделили 10 терминов, наиболее проблемных в употреблении. Тексты СМИ отобраны для анализа по принципу наибольшей частотности употребления терминов права в их обыденном толковании. С точки зрения публицистики такое словоупотребление может быть оправдано, так как приносит ожидаемый результат – популярность, однако с точки зрения закона автор статьи рискует быть привлеченным к ответственности за клевету или оскорбление.

Исходя из классификации, использованной в работах на данную тему [Голев, 2018, с. 64], термины, взятые нами для анализа, характеризуются как номинации с высокой степенью правового риска.

Материалы, примененные для семантизации терминов - Толковый словарь русского языка С.И. Ожегова, Н.Ю. Шведовой, Новый толково-образовательный словарь русского языка Т.Ф. Ефремовой, классифицируются как нормативные лингвистические алфавитные словари. В нашей работе мы опирались на определения Уголовного кодекса, Уголовно-процессуального кодекса, Кодекса об административных правонарушениях, Конституции РФ.

В поле нашего исследования включены такие наиболее частотные ошибки в текстах и выступлениях СМИ следующих терминов: бандит, преступник, убийство, убийца, заказчик, повинный в гибели, организатор преступления, исполнитель преступления, соучастник убийства, соисполнитель, участник преступления, преступные действия, извлеченные из газеты «Аргументы и факты» с 05.11.2010 по 02.12.2010 г., в которых содержится пред-

ставление криминальных событий в селе Куцевка Краснодарского края (рассмотрено 14 газетных статей). При исследовании использовался контекстуальный метод (термины анализировались в контексте с сочетаемыми словами).

Использование данных юридических терминов приводит к коммуникативным неудачам, в нередких случаях - даже к коммуникативным конфликтам. Негативно воспринимаются такие термины, как убийца, бандит, преступник, резня, поскольку характеризуют крайнюю степень вины в совершенном преступлении.

Предлагаются следующие семантические приемы во избежание ошибок в употреблении терминов:

1. Детерминологизация (уклонение от использования юридических терминов и слов).
2. Эвфемизация (замена на нейтральное по стилистической окраске слово).
3. Легевфемизация (замена опасного выражения менее опасным с целью уклонения от правовых рисков) [Осадчий, 2013, с. 179–181].
4. Дистанцирование от личных оценок, отнесение их к другим, в первую очередь – официальным субъектам (опора на мнение полиции и др. официальных лиц) [Голев, 2018, с. 50].

Материалы исследования были включены в методическую разработку внеклассного мероприятия для школьников. В ходе занятия были апробированы разные виды упражнений развивающей направленности. Эффективность таких заданий обусловлена комплексным применением, их разнообразием и варьированием уровня сложности, что было доказано на практике. Наибольший эффект по итогам проведенного мероприятия показали практические задания, направленные на самостоятельный поиск проблемных слов и их исправление, что показывает результативность проделанной нами работы. Успешность в понимании и разграничении проблемных юридических терминов

нов можно проследить по результатам выполненного домашнего задания в виде таблицы.

Список литературы

Нормативно-правовые акты

1. Конституция Российской Федерации. (Принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 года с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 1 июля 2020 года).
2. Уголовный кодекс РФ от 13 июня 1996 года №63 - ФЗ.

Литература

1. Абишева, В. С. Профессиональный кодекс журналиста / В. С. Абишева // Современные проблемы науки и образования. – 2015. – No1(часть2).–Режим доступа:<http://www.science-education.ru/ru/article/view?id=19795>
2. Абрамов, Н. Словарь русских синонимов и сходных по смыслу выражений- М.: Русские словари, АСТ, Астрель, Хранитель, Lingua, 2017. - 672 с.
3. Авраамов, Д. С. Профессиональная этика журналистики / Д. С. Авраамов. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 2019. – 255 с.
4. Акимова, О.В. Типы профессионального дискурса // III Международные Бодуэновские чтения: И.А. Бодуэн де Куртенэ и современные проблемы теоретического и прикладного языкознания (Казань, 23-25 мая 2006 г.): труды и материалы: в 2 т. / Казан. гос. ун-т; под общ. ред. К.Р. Галиуллина, Г.А. Николаева.– Казань: Изд-во Казан. ун-та, 2006.– Т.36–38.
5. Анисимов, А.Л. Гражданско-правовая защита чести, достоинства и деловой репутации по законодательству Российской Федерации: уч. пособие для студ. высш. уч. заведений. – М.: Изд-во ВЛАДОС-ПРЕСС, 2011. – 173с.
6. Ахметова, Н.А. Юридическая терминосфера: лингвистический и статистический аспекты / Н.А. Ахметова, И.Г. Яр-Мухамедот, Н.Ш. Сарсеитова // Вавилонская башня. - 2016. - № 4. - С. 15-23.

7. Баранов, А.Н. Лингвистическая экспертиза текста: теория и практика: учеб. Пособие. - М., 2017 – С. 27-29.
8. Барихин, А. Б. Большой юридический энциклопедический словарь. М.: Книжный мир, 2005.
9. Безлепкин, Б. Т. Комментарий к УПК РФ (постатейный) / Б. Т. Безлепкин. – М., 2002. – С. 25.
10. Бринев, К.И. Теоретическая лингвистика и судебная лингвистическая экспертиза, Барнаул, 2019.
11. Бушев, А.Б. Личность и социум: русский язык и речь россиян в XXI веке // Личность, речь и юридическая практика: межвуз. сб. науч. тр. / под ред. проф. Е.И. Дулимова. – Ростов н/Д, 2007. – Вып. 10. – Часть 1. – С. 52–56.
12. Васильев, А. Д. Игры в слова: манипулятивные операции в текстах СМИ: монография/ А. Д. Васильев. – СПб., 2013.
13. Васильев, А. Д. Игры в слова: население вместо народа // Политическая лингвистика / А. Д. Васильев. – 2007. – No 23. – С. 60–69.
14. Васильев, А. Д. Некоторые разновидности манипуляций словом / А. Д. Васильев // Язык и социальная динамика. – 2013. – No 13-1. – С. 34–41.
15. Васильев, А. Д. Приемы реализации манипулятивной функции в российских СМИ: порождение мифов / А. Д. Васильев // Вестник Красноярского государственного педагогического университета им. В. П. Астафьева. – 2013. – No 1 (23). – С. 58–65.
16. Васильев, А. Д. Слово в российском телеэфире: очерки новейшего словоупотребления: монография / А. Д. Васильев. – М., 2003.
17. Васильев, А.Д. Язык российского права и некоторые вопросы юридического образования. : [теоретические и методологические проблемы лингвистического образования] // Юрислингвистика–10: лингвоконфликто-

логия и юриспруденция : межвуз. сб. научн. тр. / под ред. Н.Д. Голева. – Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2010. – С. 50–58 ; [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.philology.ru/linguistics2/golev-99>

18. Васильев, М. А. Правовая лингвистическая экспертиза проектов актов местного самоуправления / М. А. Васильев. - Обнинск : Ин-т муниципального упр., 2012. - 84 с.

19. Введенская, Л. А., Павлова Л. Г. Культура и искусство речи // Современная риторика. Ростов-на-Дону, 2015.

20. Витман, Т.Б. Закон силы или сила закона // Текст - Дискурс - Диалог культур. - СПб., 2015. - С. 85-109. - Библиогр.: с. 109.

21. Вопросы организации производства судебных экспертиз в экспертно-криминалистических подразделениях органов внутренних дел Российской Федерации: Приказ МВД РФ от 29 июня 2005 г. № 511 // Российская газета, № 191, 30.08.2015.

22. Володина, М.Н. Теория терминологической номинации. - М.: Изд. МГУ, 2016. - 180 с.

23. Воробьева, М. Е. Интерпретационное функционирование юридического языка в обыденном сознании (на материале толкований юридических терминов рядовыми носителями русского языка): автореф. дис. д-ра филол.наук: спец. 10.02.01/ М.Е. Воробьева; Кемер. гос. ун-т. - Кемерово, 2014. – 24 с.

24. Воробьева, М. Е. Функционирование юридических терминов в обыденном сознании (на материале семасиологического эксперимента) // Юрислингвистика–10: лингвоконфликтология и юриспруденция : межвуз. сб. научн. тр. / под ред. Н.Д. Голева. – Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2010.

25. Галяшина, Е.И. Возможности судебных речеведческих экспертиз по делам о защите прав интеллектуальной собственности //Интеллектуальная собственность. Авторское право и смежные права. - № 9, 2015.

26. Галяшина, Е.И. Назначение, производство и оценка заключения судебной лингвистической экспертизы (Методические рекомендации). // Цена слова: Из практики лингвистических экспертиз текстов СМИ в судебных процессах по защите чести, достоинства и деловой репутации / Под ред. Проф. М.В. Горбаневского. - М., 2012.
27. Гельгард, Р.Р. О языковой норме // Вопросы культуры речи. Вып. 3. М., 2016.
28. Гируцкий, А.А. Введение в языкознание. – М., 2011. – 200 с.
29. Голев, Н.Д., О.Н. Матвеева Значение лингвистической экспертизы для юриспруденции и лингвистики // Цена слова: Из практики лингвистических экспертиз текстов СМИ в судебных процессах по искам о защите чести, достоинства и деловой репутации // Под ред. проф. М.В. Горбаневского. 3-е изд., испр. и доп. - М., Галерея, 2012.
30. Голев, Н.Д. На стыке языка и права (несколько тезисов по юрлингвистике) // Актуальные проблемы филологии: Тез. докл. / Под ред. В.А. Пищальниковой. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2018.
31. Голев, Н.Д. Юридический аспект языка в лингвистическом освещении: [предмет и объект юрлингвистики] // Юрлингвистика–1: проблемы и перспективы : межвуз. сб. научн. тр. / под ред. Н.Д. Голева. – Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 1999. – С. 11–58 [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.philology.ru/linguistics2/golev-99.htm>
32. Голев, Н.Д. Юрлингвистическая экспертиза как баланс противоречий // Языки профессиональной коммуникации : материалы междунар. науч. конф. / отв. ред. Е.И. Голованова. – Челябинск, 2003. – С. 24–26.
33. Голощапова, Т.И., Полосина, А.М. Лингвистическая экспертиза // Судебная экспертиза 2015. № 4.
34. Губаева, Т. В. Практический курс русского языка для юристов. - Изд. 2-е, перераб. и доп. Изд-во КГУ, 2019.

35. Давыдова, М.Л. Юридическая техника: проблемы теории и методологии: монография. ГОУ ВПО "ВолГУ". - Волгоград: Изд-во ВолГУ, 2019. - 318 с.
36. Дамаданова, П.А. Термин права как средство специальной информации // Язык, сознание, коммуникация: Сб. статей / Отв. ред. В.В. Красных, А.И. Изотов. - М.: МАКС Пресс, 2013. Вып. 23. - С. 97-111.
37. Даниленко, О.А. Язык конфликта как объект лингвосоциологии // Социологические исследования. – 2006. – № 4. –С. 89–98.
38. Демьянков, В.З. Логические аспекты семантического исследования предложения // Проблемы лингвистической семантики. - М.: ИНИОН, 2017. - С. 115-132.
39. Додонов, В. Н. Большой юридический словарь / В. Н. Додонов, В. Д. Ермаков, М. А. Крылова [и др.]. – М., 2001. – 790 с.
40. Ефимичев, С.П. Значение обвинительного заключения в уголовном суде-производстве // Задачи укрепления правопорядка на современном этапе. - Владивосток, 2012.
41. Ефимичев, С.П., Столмаков А.И. О культуре юридических документов и публичных выступлений следователя // Правовые и организационные вопросы пред-варительного расследования. Волгоград, 2017.
42. Ефремова, Т.Ф. Новый словарь русского языка. Толково-образовательный.- М.: Рус. яз. 2000.- в 2 т.- 1209 с.
43. Ивакина, Н.Н. Культура речи юриста. Учебное пособие - Ч. 1 -2. Красноярск, 2014.
44. Игнатенко, Г.В. Международно-правовая терминология // Международное право : учеб. для вузов / отв. ред. Г.В. Игнатенко, О.И. Тиунов. – М., 2012 ; [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.bibliotekar.ru/mezhdunarodnoe-pravo-2/7.htm>
45. Иссерс, О.С. Коммуникативные стратегии и тактики русской речи. - М.: Едиториал УРСС, 2013. - 284 с.

46. Карасик, В.И. Культурные доминанты в языке // Языковая личность: культурные концепты: сб. науч. тр. - Волгоград; Архангельск, 2016.
47. Карнеева, Л., Якубович, П.О., Михайлова, Т. О протокольной форме досудебной подготовки материалов. М., 2018. – 25с.
48. Кожина, М.Н. Дискурсивный анализ и функциональная стилистика с речеведческих позиций// Текст – Дискурс – Стилль: сб. науч. ст.. – СПб.: Изд-во СПбГУЭФ, 2004. – С.9–33.
49. Кожина, М.Н. Стилистика русского языка. М., 2013.
50. Комментарий к Кодексу Российской Федерации об административных правонарушениях / Под ред. Ю.М. Козлова. - М.: Юристъ, 2012.
51. Комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации (постатейный). 2-е изд., перераб. / Под ред. А.Я. Сухарева. М., 2014.
52. Коханов, В.А., Савкин, А.В. Обвинительное заключение по уголовному делу: Пособие. М., 2013.
53. Леонтьев, А.А.. Шахнарович, А.М. Батов, В.И. Речь в криминалистике и судебной психологии. М.. 2017.
54. Лещенко, В.А. Обвинительное заключение: значение и отражение и нем данных, входящих в предмет доказывания по уголовному делу // Труды высшей следственной школы МВД. Вып. 3. - Волгоград, 2017.
55. Лингвистическая экспертиза законопроектов [Электронный ресурс] // Центр судебных экспертиз : [сайт]. – М., [2011]. - URL: http://expert-kollegia.ru/sud_expertizi.php?serv=239& part=17651
56. Лупинская, П.А. Решения в уголовном судопроизводстве: их виды, содержание и форма. - М., 2016.
57. Михайловская, Н.Г. О формировании и функционировании юридической лексики // Терминология и культура речи. - М. : Наука, 2012. - С. 110-123.

58. Мясников, И.Ю. Жанры речи в дискурсе периодического издания:

специфика дискурса и описательная модель речевого жанра: специфика дискурса и описательная модель речевого жанра: дисс. ... канд. филол. наук. – Томск, 2005. – 212с.

59. Наумов, О.А. Авторитет правосудия: мелочей не бывает // М., 2015. - 21 с. [Электронный ресурс]. [http:// www.vkks.ru/ss_detale.php?id=25](http://www.vkks.ru/ss_detale.php?id=25).

60. Никитин, О.В. Лихое дело, лихие люди, наймиты: древнерусская юридическая лексика // Рус. речь. – 2014. – № 1. – С. 74–79.

61. Новикова, А. А. Лингвистическая экспертиза законопроектов как составная часть правовой экспертизы // Образование и о-во. – 2014. - № 6. - С. 84-85.

62. Норман, Б. Ю. Теория языка. Вводный курс. – М.: Флинта-Наука, 2006. –342 с.

63. Ожегов, С.И. Толковый словарь русского языка / С.И. Ожегов, Н.Ю. Шведова. - М.: ИТИ Технологии; Издание 4-е, доп., 2015. - 944 с.

64. Осадчий, М. А. Публичная речевая коммуникация в аспекте управления правовыми рисками: автореф. дис. ... д-ра филол. наук / М. А. Осадчий. – Кемерово, 2012. –38 с.

65. Осадчий, М. А. Русский язык на грани права: Функционирование современного русского языка в условиях правовой регламентации речи / М. А. Осадчий. – М., 2013.

66. Осипов, Б. И. Речевое мошенничество – вид уголовного преступления? / Б.И. Осипов // Юрислингвистика. – 2010. – No 2. – С. 207–212.

67. Пиголкин, А. С. Юридическая терминология и пути ее совершенствования. М.: Изд-во ВНИИСЗ. 2019. С. 18-34.

68. Питерцев, С. К. Составление обвинительного заключения. Учебное пособие. - Л., 2018.

69. Подголин, Е.Е. Культура следственных действий. Учебное пособие. Волгоград, 2018.
70. Прохоров, Е. П. Журналистика и демократия / Е. П. Прохоров. – М.: РИП-холдинг, 2001. – 296 с.
71. Процессуальные документы органов предварительного расследования. Образцы. Практическое пособие. - М., 2016.
72. Рахманин, Л.В. Стилистика деловой речи и редактирование служебных документов. М., 2018.
73. Реформатский, А.А. Введение в языкознание. Учебное пособие. М, 2012.
74. Розенталь, Д.Э. Русский язык для школьников старших классов и поступающих в вузы. Учебное пособие. М., 1996.
75. Розенталь, Д.Э. Справочник по правописанию, произношению, литературному редактированию. М, 1994.
76. Русакова, А.В. Лингвистическая модель двуязычного электронного текстоориентированного словаря юридических терминов (на материале Конституции Российской Федерации, Конституции Французской Республики и Конвенции о защите Прав человека и основных свобод) : автореф. дис. ... канд. филол. наук / Русакова Анастасия Вячеславовна. – Тюмень, 2018. – 27 с.; [Электронный ресурс]. - URL: <http://www.tmnlib.ru/DbFileHandler.axd?1575>
77. Рыженкова, Н. Особенности функционирования терминов различных отраслевых терминосистем в правоведении // Единицы языка и их функционирование. - Вып. 5. - Саратов, 2011. - С. 109-111.
78. Сараева, Н.А. Язык юридического дискурса // Язык. Текст. Дискурс : науч. альм. Ставроп. отд-ния РАЛК / под ред. проф. Г.Н. Манаенко. – Ставрополь, 2019. – Вып. 7. - С. 331-337 ; [Электронный ресурс].–URL: http://www.russcomm.ru/rca_biblio/issue/sgpi_almanakh7.pdf

79. Семериков, В. Российские законопроекты с точки зрения лингвистики и семиотики на примере законодательства об интеллектуальной собственности // Интеллектуальная собственность: промышленная собственность. - 2018. - № 9. - С. 12-19.
80. Синеок, А. А. Экспертиза законопроектов: политика и лингвистика // Личность, речь и юридическая практика : межвуз. сб. науч. тр. – Ростов н/Д, 2012. – Вып. 5. – С. 124-126.
81. Спорные тексты СМИ и судебные иски: Публикации. Документы. Экспертизы. Комментарии лингвистов /Под ред. проф. М.В. Горбаневского. – М.: Престиж, 2005. – 200 с.
82. Тарановский, Ф.В. Энциклопедия права : Учеб. пособие для студентов вузов, обучающихся по юрид. специальностям . - 3. изд. - СПб. : МВД России. С.-Петерб. ун-т : Университет, 2011. - 552 с.
83. Тарасова, Т.И. Современные тенденции в изучении языка права // Язык, сознание, коммуникация. – М., 2012. – Вып. 22. – С. 98–107.
84. Тихомирова, Л. В., Тихомиров, М. Ю. Юридическая энциклопедия. М. 2017. С. 341.
85. Тупицина, И.Н. Речевая коммуникация: личностно-когнитивное измерение. - М.: Изд-во РГСУ, 2015. - С. 220 с.
86. Туранин, В. Ю. Проблемы формирования и функционирования юридической терминологии в гражданском законодательстве РФ : дис. ... канд. юрид. наук / Туранин Владислав Юрьевич - Белгород, 2012. - 186 с.
87. Улыбина, Е.В. Психология обыденного сознания. – М., 2001.
88. Федулова, М.Н. Прагмо-семантические аспекты концептуализации лексических единиц в юридическом дискурсе : на материале англ. и рус. яз. : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.19 / Федулова Мария Николаевна ; [место защиты: Воен. ун-т]. – М., 2010. [Электронный ресурс].– URL:<http://www.mil.ru/info/avtoreferat/18562/index.shtml?id=73263>

89. Хижняк, С.П. Формирование и развитие терминологичности в языковой системе (на материале юридической терминологии) : дис. ... д-ра филол. наук / Хижняк Сергей Петрович ; Саратовский гос. ун-т им. Н.Г. Чернышевского - Саратов, 2018. – 357 с.
90. Хижняк, С.П. Юридическая терминология : формирование и состав / С.П. Хижняк ; под ред Л.И. Баранниковой. - Саратов : Изд-во Саратовского ун-та, 2017. - 134 с.
91. Чайковская, Н.Ю. Волеизъявление в юридическом дискурсе : на примере юрид. документов // Единицы языка и их функционирование. - Саратов, 2016. - Вып. 12. - С. 212-216.
92. Чернышова, Т. В. Введение в заблуждение: прием создания выразительности или уловка? (на материале конфликтных и потенциально конфликтных медиатекстов) / Т. В. Чернышова // Юрислингвистика. – 2012. – No 1 (12). – С. 94
93. Чернявская, В.Е. Текст как интердискурсивное событие// Текст – Дискурс – Стиль: сб. науч. ст. – СПб.: Изд-во СПбГУЭФ, 2004. – С. 33–41.
94. Чудинов, А.П. Криминальная метафора в современных СМИ // Мир рус. слова. - СПб., 2002. - № 5. - С. 104-110.
95. Шарикова, Л.А. Особенности юридического мышления через сепцифику правового дискурса и языка / Л.А. Шарикова, В.Ю. Гейер // Вестн. Тюмен. гос. ун-та. - 2018. - № 1. - С. 96-103.
96. Юрислингвистика-1: проблемы и перспективы: межвуз. сб. науч. тр. [Текст]/ под ред. Н.Д. Голева. - Барнаул: АГУ, 2000. - 220 с.
97. Якоба, И. А. Власть дискурса медийного пространства в борьбе за номинацию / И. А. Якоба // Вестник Томского государственного университета. Филология. – 2015. – No 3. - С. 122–134.
98. http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_52017/
99. <https://www.9111.ru/questions> - «Спросить юриста»

Приложение 1

Слайды презентации

* Юридическая грамотность, или Кто такой преступник?

- * 1. Уголовная
- * 2. Административная
- * 3. Дисциплинарная
- * 4. Гражданско-правовая

* Виды юридической ответственности

* Ответы по терминам

- * Преступник - лицо, виновное в совершении общественно опасного деяния, запрещенного Уголовным Кодексом Российской Федерации под угрозой наказания.
- * Обвиняемый - лицо, в отношении которого вынесено постановление о привлечении его в качестве обвиняемого, вынесен обвинительный акт, составлено обвинительное постановление.
- * Подозреваемый - лицо, задержанное на месте преступления и в отношении которого возбуждено уголовное дело.
- * Подсудимый - лицо, по уголовному делу которого назначено судебное разбирательство.
- * Осужденный - лицо, признанное в судебном порядке виновным в совершении преступления.

* Юридический словарь

* подозреваемый, обвиняемый, подсудимый,
осужденный, преступник

* Цепочка слов

* Две девочки в классе ссорятся:

* - А ты дылда!!!

* - А ты сама гадина!!!

* Оскорбление - штраф в размере до 100
Минимальных Размеров Оплаты Труда, либо
исправительные работы на 6 - 12 месяцев.

* Ситуация 1 (оскорбление).

Оскорбление

Эмоциональная оценка

Неприличная форма

Межличностная коммуникация (2
участника)

Клевета

Нет оценки и мнения, только
факты

Форма не важна

Публичная коммуникация (А
сообщает В плохое о С)
Минимум три участника

- * - Ребята, не общайтесь с Мишей, он вор! Он у меня вчера ручку о стола украл!
- * - Да вон твоя ручка, под партой валяется.
- * Клевета - распространение заведомо ложных сведений, порочащих честь и достоинство другого лица или подрывающих его репутацию
- * Наказание: штраф 500 тыс. руб. - 5 млн. руб. либо обязательными работами на срок 60 - 480 часов.

* Ситуация 2 (клевета)

- * Это нас-то, маленьких?!! Какой с нас штраф? - может ответить ученик.
- * В этом случае действует Гражданский кодекс, гласит: «Ответственность за вред, нанесенный несовершеннолетним, лежит на его родителях или лицах, их заменяющих».
- * Именно они в полной мере расплачиваются (и в прямом, и в переносном смысле) за действия своего чада. Например, оплата медицинской помощи потерпевшему.

* Ситуация 3 (ответственность)

- * Если ребёнок до 14 лет постоянно совершает противоправные действия, он может быть поставлен на учёт в органах полиции, отправлен в специальное воспитательное заведение, к нему могут быть применены другие меры воспитательного характера.
- * За остальные преступления ответственность наступает с 16-ти лет.
- * В «Уголовном Кодексе Российской Федерации» описаны все виды преступлений, за которые предусмотрена уголовная ответственность.
- * Для привлечения к уголовной ответственности большое значение имеет возраст. Ни один ребёнок в возрасте младше 14 лет не может быть привлечён к уголовной ответственности и осуждён за совершение преступления.

- * 1. Извиниться, попытаться мирно урегулировать конфликт.
- * 2. Если оскорбил кого-то в Интернете или опубликовал ложные сведения, нужно напечатать опровержение и извиниться.
- * 3. Если твой негативный комментарий еще никто не увидел, можно быстро его удалить.

* Как исправить ошибку?

Клевета	Мнение
он вор	я считаю, что он вор
Вася списал контрольную	Возможно, этот человек поступил нечестно
Петя остановился и поставил мне подножку	Петя остановился, чтобы подставить мне подножку
На перемене в классе никого не было, и Маша взяла журнал и «подтерла» двойку.	Перемена - самое удобное время, чтобы «подтереть» оценки, что Маша, скорее всего, и сделала.

* Замена утверждения о факте мнением

- * «Представитель следствия отметил, что преступник, подозреваемый в организации нападения, совершенного в начале ноября, прекратил истерики, у него внезапно закончились провалы в памяти».
- * «Полиция нашла бандитов».
- * «В настоящее время почти все участники этого преступления взяты под стражу».

* Найти и исправить ошибки

- * «Представитель следствия отметил, что мужчина (человек, гражданин), подозреваемый в организации нападения*, совершенного в начале ноября, прекратил истерики, у него внезапно закончились провалы в памяти».
- * «Полиция нашла людей, подозреваемых в организации вооруженного нападения*».
- * «В настоящее время почти все подозреваемые взяты под стражу».

- * Проступок - это нарушение правил поведения; вызывающее поведение.
- * Правонарушение - это нарушение закона, за которое предусмотрено наказание для взрослых людей и подростков с шестнадцатилетнего возраста.
- * Преступление - это серьезное нарушение закона взрослыми людьми или несовершеннолетними, достигшими возраста привлечения к уголовной ответственности.

* **Вывод**

*ЗАКОН - нормативно-правовой акт, содержащий общеобязательные правила поведения общественной жизни, принятый правительством.

* Домашнее задание - заполнить таблицу

- * 1. Барихин А. Б. Большой юридический энциклопедический словарь. М.: Книжный мир, 2005.
- * 2. Безлепкин, Б. Т. Комментарий к УПК РФ (постатейный) / Б. Т. Безлепкин. - М., 2002.
- * 3. Голев Н.Д., О.Н. Матвеева Значение лингвистической экспертизы для юриспруденции и лингвистики // Цена слова: Из практики лингвистических экспертиз текстов СМИ в судебных процессах по искам о защите чести, достоинства и деловой репутации // Под ред. проф. М.В. Горбаневского. 3-е изд., испр. и доп. - М., Галерея, 2012.

* Список литературы

Приложение 2

Таблица

Отметить + верный ответ для каждой ситуации.

Ситуация	Преступник	Обвиняемый	Подозреваемый	Подсудимый	Осужденный
Петю задержали на месте за кражу шоколадки из магазина.					
Васе вынесли приговор в зале суда.					
В отношении Маши вынесен обвинительный акт.					
Колю признали виновным в ложном сообщении о факте терроризма.					
После объявления приговора суда, Олю поместили в специальное учебно-воспитательное учреждение для отбывания наказания.					